

Как обращаться к людям

Сравнительно недавно в Китае, как и в России, всё с этим было ясно и просто — товарищ! Привет, пролетарии Германии, с их «камрадами», привет Эриху Марии Ремарку с его славными «Тремя товарищами». Все равны, все едины. Независимо от пола и возраста. Только товарищи кругом, мужчины или женщины, юные пионеры или почтенные старики — в Китае все были *тун-чжи* / *tongzhi*.

Как приятно обратиться к юной красавице: «Скажи-ка, товарищ...» На контрасте. Суровое слово — нежное создание. Так и ждешь, что вот сейчас она обернется к тебе, стройная, черноглазая, в зеленой полувоенной форме, и, отбросив смоляную косу, ласково скажет: «Ну и что тебе, товарищ, надо?»

Буквальный перевод китайского *тун-чжи* — «(имеющие) единые устремления». Считается, что в Китае впервые так воззвал к соратникам по партии Гоминьдан революционер и реформатор Сунь Ят-сен в начале прошлого века. В 1959 году Мао Цзэ-дун объявил, что именно так следует обращаться друг к другу в китайском обществе, а в 1965 году ЦК компартии прямо обязал членов партии называться — *тун-чжи*.

С наступлением периода «открытых дверей», лет 30 назад, в «сфере обращения» наступил разнобой. На языке улиц товарищами стали именоваться члены банд. В нулевые годы на Тайване, в Гонконге, а потом и в континентальном Китае молодежь начала использовать это слово при обозначении геев и лесбиянок.

Так что теперь мало кто говорит *тун-чжи*. В ход снова пошли господин (мистер) — *сянь-шэн* / *xiansheng*, буквально — «преждерожденный», девушка (барышня, мадемуазель, синьорина, мисс) — *сяо-цзе* / *xiaojie*, буквально — «меньшая сестрица». Обращение *сяо-цзе* иногда приобретает фривольную окраску, неумолимо приближающую барышню к девушке по вызову.

— Ну, это когда и где говорить! — сказал Сеня. Они со Стариной Суном смотрели матч чемпионата мира по футболу между США и Словенией во внутреннем дворике модного ресторана «1949», на южном конце «барной улицы» Саньлитунь; американцы героически

отыгрывались. Мудрец Сун поглядывал на большой экран нехотя, его больше интересовала группа африканских танцовщиц, нанятых хозяином ресторана для оживления атмосферы. Крупнотелые черные женщины в леопардовых туниках только что отработали очередной танец страсти и теперь, отдуваясь, пили минералку за стойкой бара. Было на что посмотреть. Приятель наших друзей, пригласивший их в это заведение, могучего сложения российский нефтяник пытался угостить гостей своим фирменным, профильным напитком с названием «мазут» — бьющей наповал смесью «Эрготоу» с кока-колой. Отшельник и Сеня пока держались, но чувствовалось, что скоро сдадутся под мощным дружественным натиском. — Если кто этак вечером спросит таксиста, а где тут у вас сяо-цзе, тогда понятно, кого он ищет, — продолжал рассуждать Сеня. — А в приличной обстановке сяо-цзе — вполне приличное слово. Верно, Лао Сун?

Мудрец не ответил. Он ушел фотографироваться с танцовщицами. Сун любит общаться с юностью мира, с лучшей ее половиной.

Для официантов, носильщиков и прочих ребят «принеси-подай» лучше всего подходит ласково выдыхаемое — *фу-у-юань* / *fuwuuan*, что так и переводится — «обслуживающий сотрудник». Водителей, парикмахеров, поваров, ремесленников разного рода принято называть *ши-фу* / *shifu* — мастер. Так же, но уважительно, с опасочкой, обращаются к мастерам-наставникам боевых искусств. Домработницу зовут ласково: «тетушка» — *ай-и* / *aiyi*. Впрочем, так же называют будущую тещу при знакомстве будущие невестки. Это уже после свадьбы она становится «мамой».

Нет, алмазно-твердое и теплое обращение «товарищ», конечно, тоже осталось. Оно по-прежнему в ходу у партийцев. Во всех документах на него опираются, когда речь идет о том, как лучше наладить внутрипартийную жизнь, поднять уровень, устранить недостатки, решить задачи.

Его ценят старые боевые друзья, пожилые люди, помнящие прошлое. Но и к ним теперь молодые предпочитают обращаться нейтрально — *лао-ши* / *laoshi*, «учитель».

Для руководства есть свое обозначение, неформальное — *лао-бань* / *laoban*, то есть «босс».

Еще чаще используется обращение к руководителю любого уровня с добавкой к фамилии слова *цзун* / *zong* — директор, президент. Например: «Здравствуйте, Чжан-цзун!», «Ван-цзун на месте?» Иногда в компании все бывают цзунами, если это достаточно компанейская компания.

Обычно на работе старшие по возрасту и положению обращаются к коллегам, которые ниже рангом или младше, несколько фамильярно,

с добавлением перед фамилией прилагательного «маленький» — сяо / *xiao*. «Позовите-ка Сяо Вана!» (Вана-маленького).

Друзья постарше часто называют друг друга стариной — лао / *lao*. «Что-то Лао Чжана давно не видел!» Возможная аналогия у нас — обращение Иваныч, Петрович и так далее.

К иностранцам повсеместно прилип ярлык лаовай / *laowai* (буквально — «старый внешний»), что можно перевести как «инострашка», но можно и потеплее — «иностранчик» («иностранцыч»!). Некоторые лаоваи обижаются, а зря. Это же не старорежимное — вай-гуи / *waigui*, что означает «заморский черт». Так обзывались до народной власти. Так детишки дразнили автора в Сингапуре лет сорок назад, ну, что с них взять, а может, им вообще виднее.

Кстати, если вам как-то хочется отреагировать на реплику, мол, вот лаовай появился, вы можете сказать: «Привет, старый внутренний!» — «Нихао, лао-нэй!» / «*Nihao, laonei!*». Это поможет: а) показать глубокое знание китайского языка, обычаев и нравов, б) избавиться от комплекса неполноценности, в)... э-э... придумайте еще что-нибудь сами.

В общем, обращайтесь к людям избирательно. К народу по-народному, к продвинутой молодежи на западный лад: «Hi buddy!» Возможно, вас поймут. Главное, не перепутать. К примеру, теплое и строгое тун-чжи откроет вам (необязательно) сердца тетушек и старушек с красными нарукавными повязками, охраняющих порядок рядом с домом. И, наоборот, обращение к ним: «Хелло, старушки!» может привести к нежелательным международным последствиям (тоже необязательно). К иностранцам старшее поколение приучено относиться настороженно. Вот разве что опять-таки пекинская олимпиада несколько смягчила суровые сердца. На время.

Берегите лицо, свое и чужое

«Беречь лицо» — с этого понятия следует начинать изучение психологии наших соседей китайцев. Для них это очень важно. Потерять лицо, то есть проявить незнание чего-то, неумение, ошибиться — значит снизить самоуважение, подрастерять, хотя бы и временно, пусть даже и перед незнакомыми людьми, достоинство. Отсюда повышенная застенчивость, подавляющая инициативу настороженность. А вдруг я сделаю что-то не так? Вдруг вызову смех?

Английские психологи определили боязнь показаться неловким, смешным, свойственную в принципе всем людям, как пережиток родового строя. Люди в древние времена жили замкнуто в своей общине. Все на виду друг у друга. Мнение окружающих являлось очень важным:

они смотрели на тебя, надо было соответствовать правилам поведения. Приходилось все время оглядываться на других.

В Китае вопрос потери лица проявляется всегда и везде. Очень редко стоящие в очереди люди одергивают влезавших без очереди нагледцов. Здесь и эгоизм («что мне, больше всех надо?»), и та же боязнь потерять лицо: а вдруг ситуация обострится и повернется против тебя?

Отсюда большие проблемы с изучением языка. Многие молодые люди стесняются говорить, опасаясь ошибок. Писать пишут, а говорить — стесняются. Отсюда нехватка креативности: ее стреноживает страх неудачи.

В обычных ситуациях никто никого не критикует, если не припрет по какой-то причине, ведь критикующий: а) может обидеть коллегу, б) может тоже потерять лицо, если перегнет палку. В цене сдержанность. Или, к примеру, возьмем процесс торга на рынке, неважно каком. Торговаться можно, но до определенного момента. Лучше не переступить черту. Не стоит доводить до обиды, унижать человека. Все можно сделать весело и душевно, иначе либо сами чересчур рассердитесь, разволнуетесь, либо заставите продавца потерять лицо по тем же причинам. Поднажали в торге, почувствовали, что торговец начинает впадать в тихую ярость, лучше сдайте назад, уступите немного — и разойдетесь с добрым чувством буддийской просветленности. И покупка будет вас греть, а не напоминать о поверженном сопернике, который наверняка проводил вас недобрым словом. Мысленно. А мысль материальна, верно?

Та же ситуация и на переговорах. Перегибая палку, нажимая сверх меры, вы не добьетесь успеха. Важно иметь чутье. Как стоматолог, который проверяет, жив ли нерв, вовремя отступайте, не причиняйте чрезмерной боли. Понятно, что играть надо, даже полезно выдвинуть лишнее требование, которое наверняка не пройдет — чтобы в итоге получить то, что реально можно, но...

Но и в этой ситуации, если почувствовали, что дошли до нерва переговоров, увидели, что партнеру «больно», отступайте. Вернуть потерянное лицо в Китае, где люди весьма чутко строят отношения, подчиняясь отработанным тысячелетиями правилам поведения, заставить обиженного человека забыть пережитое, восстановить с ним дружеские отношения будет десятикратно труднее. А что может быть важнее дружеских отношений в Китае?

Иногда в конфликтной, спорной ситуации человек, отступая, так прямо и говорит: «Дай мне (сохранить) лицо!» — то есть понимаю, что, возможно, я неправ, скорее всего так оно и есть, но пожалуйста, прояви уважение.

— Захожу я как-то в ресторан, знаешь, в юго-западном углу парка Житань, там еще фонтан во двореке, — сказал Сеня. — Ба! А его переделали. То-то я давно там не был. У входа «мерсы» стоят, «бенцы» покитайски, другие дорогие тачки. Хотя народу не видно. Подхожу к дверям. Там как обычно встречают девушки: «У вас заказано?» Ну, так обычно они всегда спрашивают. Нет, говорю, шел мимо, заглянул поесть. Извините, говорят, если не заказано, то нельзя. Чего нельзя, поесть? Чтобы так ответили в китайском ресторане?! Народу же никого, видно — залы пустые. Ну, думаю, что творится! Рассердился. Понятно, думаю, сделали ресторанчик для своих. Для каких-нибудь крутых ребят. Вроде место для встреч, стрелок по бизнесу. Позвал менеджера. Он то же самое твердит: без заказа нельзя. Представляешь?

— Сеня, не надо сердиться, видишь, у тебя даже лицо покраснело, — сказал Старина Сун. Он не хотел, чтобы Сеня шумел и сердился в такой чудесный апрельский день. Тем более в таком месте — в пекинском парке Юй-юань-тань / *Yuyuantan*, куда они пришли полюбоваться цветущими персиками и вишнями. Персики исправно роняли лепестки, в воздухе парил тополиный пух, веял ветерок с озера, и в парке было прекрасно, несмотря на огромное количество народа. Семьи и трудовые коллективы, веселые компании, влюбленные пары, а также одиночки, только еще собирающиеся обзавестись «объектом» отношений, наслаждались видом бело-розового кипения.

— Нет, я что хочу сказать, — возмутился Сеня. — Выхожу из ресторана, думаю, ладно, погодите, позвоню своим знакомым ребятам, пусть напишут в сети про ресторанную мафию, которая народный ресторан в таком месте захватила и превратила в свой тусовочный. Но потом решил все-таки проверить, прежде чем шум поднимать. На другой день опять зашел. Я же вредный.

Старина Сун с готовностью кивнул. А Сеня продолжал:

— Опять нет мест без заказа! Я попросил главного менеджера. Но пришла вчерашняя девица и говорит, а, пожалуйста, проходите. Я спрашиваю, что же мне голову морочат — заказано, не заказано. Она отвечает: нам было неудобно, в ресторане не закончился ремонт, еще не все готово. Я говорю, ну так бы и сказали! Зачем голову дурить?! А все дело в том, что лицо не хотели потерять. Хотели показать, что мы такие вот... вот такие, по заказам, типа топ-уровень, а на самом деле ремонт... Тоже мне, лицо сохраняли.

— У нас не принято оскорблять гостя чем-то невежливым, — сказал Мудрец Сун. — Думаю, никто не хотел тебя обидеть. Скорее всего, повар был не готов или официанты. Может, обедали. Но признаться в этом было бы, в самом деле, несколько неуместно.

— Ну да! И лучше говорить, что все места заказаны? Я же вижу — народа-то нет! — не унимался Сеня.

— Лучше посмотри на эту девочку! — сказал Отшельник. Он часто в контактах с Сеней пользовался этим нехитрым приемом переключения внимания, мудрые родители так успокаивают детей. — Смотри, она собирает в пакетик персиковые лепестки. И счастлива. И ты тоже — посмотри вокруг, вдохни персиковый аромат, будь счастлив. И кепку надень, а то лицо уже совсем обгорело.

Как торговаться в Китае **(с уникальной прикладной, сводной справочной Таблицей цифр и ключевыми магическими выражениями)**

Вы приступили к чтению чрезвычайно важной главы. Будьте внимательны. Она изобилует научными открытиями и психологическими откровениями. Поскольку в Китае походы за покупками являются одним из главных развлечений для всех, прочесть ее жизненно необходимо. Рекомендуем обзвонить родственников и соседей и устроить коллективную читку. Лучше делать это в праздничной атмосфере, к примеру, в ночь перед Рождеством.

Итак: во-первых, во-вторых и в-третьих: **Торговаться в Китае надо!** Даже просто обязательно.

Нет, конечно, вы можете из гордости или застенчивости выложить требуемую торговцем сумму без вопросов и лишних слов: сколько назвали вам, столько и заплатили, еще и спасибо можете сказать... Можно и так. Именно на таких инопланетных клиентов и рассчитывают торговцы на рынках, вывешивая таблички с ценой. А вдруг найдется сумасшедший? Вы знаете, и ведь находятся, сам был свидетелем.

Первоначальная цена при этом — внимание! — можете проверить и затем написать автору! — на табличке или на вручаемом вам калькуляторе, или в устной передаче на русском или английском (какой лучше знаете) будет следующая: 80! Или — 180! Или — 280! Или — 380! Или — 480! Или — 680! И так далее. Без глупых промежуточных цифр. Не 70 и не 150, а именно чтобы число заканчивалось на восьмерку, на восемьдесят. Почему? Ну, восьмерка же счастливая цифра в Китае!

В последние годы, вслед за инфляцией и подорожавшим относительно доллара китайским юанем, полезли вверх цены на рынках и в магазинах. Вместо 380 в качестве первой цены на более-менее стоящий товар вы теперь слышите 880 и 980, думаю, это далеко не предел.

Если вы не с Марса, а нормальный земной человек, то делайте недовольное или удивленное лицо и торгуйтесь. Это же игра! Это же зрелище! Вам говорят 180, отвечайте — 30 (сторгуетесь за 60–80), если 380 — называйте 80 (сторгуетесь за 120), если 880 — говорите 150 (получите за 250), и так далее...

Запомните и передайте по цепочке: наилучшую скидку дает удаление от прилавка. Чем дальше вы отходите от него, тем меньше выкрикиваемая вам вслед цена. Когда вы больше ничего не слышите за спиной, значит, названная последней цена является реальной на данный текущий момент времени («исходя из конъюнктуры локального рынка», как любит говорить родной брат автора Андрей Михайлович Иляхин, выпускник торгово-экономического факультета Московского института народного хозяйства имени Георгия Валентиновича Плеханова, давно и прочно заслуженный работник того же народного хозяйства, если его еще можно так называть).

Уникальная прикладная, сводная справочная Таблица цифр

Ниже приводится научная Таблица, разработанная автором в ходе многолетнего сотрудничества (1972–2013) с ведущими экономистами-теоретиками Института Дальнего Востока АН СССР и структуральными лингвистами ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова (приоритетно дополнена и доработана автором 04.08.2012 г. и защищена авторским правом, копирайт: Ю. Иляхин. 2013–2033):

Yi (и) — означает китайскую цифру 1 (один)
 Er (эр) — означает китайскую цифру 2 (два)
 San (сань) — означает китайскую цифру 3 (три)
 Si (сы) — означает китайскую цифру 4 (четыре)
 Wu (у) — означает китайскую цифру 5 (пять)
 Liu (лю) — означает китайскую цифру 6 (шесть)
 Qi (ци) — означает китайскую цифру 7 (семь)
 Ba (ба) — означает китайскую цифру 8 (восемь)
 Jiu (цзю) — означает китайскую цифру 9 (девять)
 Shi (ши) — означает китайскую цифру 10 (десять)

Используя Таблицу, вы сможете смело торговаться на китайском рынке (позже Таблица будет выпущена как приложение APP Store, и, возможно, в 3D формате для закрытого объемного показа в ведомственных кинотеатрах и локальных сетях Центробанка, Минфина, Минэкономики, Минрегиона, МИДа, Россотрудничества).

В случае, если ваши финансовые возможности по какой-либо до сих пор не установленной причине превосходят указанные в Таблице параметры, а также для людей, особо продвинутых в научно-познавательном плане, привожу дополнительную таблицу:

Bai (бай) — означает по-китайски сто (100)

Qian (цянь) — означает по-китайски тысячу (1000)

(Copyright © 2014. YURY ILYAKHIN. All rights reserved)

Значит, если вам нужно сказать «сто десять», то это будет: Yi bai yi shi.

«Триста пятьдесят» будет: San bai wu shi. Круто, правда?

Тысяча...Теоретическая цифра, приводимая здесь исключительно в научных целях. На китайском рынке не понадобится. До тысячи за единицу ширпотреба цены просто не доходят. Вернее, не должны доходить, если правильно торговаться.

Примечание: оставшаяся часть таблицы носит полностью закрытый характер — Top Secret (TS) и разрешена для ознакомления лишь гражданам с высшим доступом секретности и действительным государственным советникам РФ не ниже 2 класса. Ну и конечно, членам их семей.

Внимание: в случае, если Таблица слишком трудна для понимания (а это весьма вероятно, учитывая ее глубину и наукоемкость), возьмите калькулятор и, развернув лицом к продавцу, осуществляйте пальцевый набор цифр.

Ключевые магические Выражения

В общении на рынке (а также в деловых переговорах) вам помогут следующие магические формулы и Выражения, включая выражения лица, добытые нелегким эмпирическим путем на извилистых эзотерических дорожках:

— *Taigui!* (Тай-гуй!) — Слишком дорого! — Действует очень хорошо, особенно сногшибательно, когда выпаливаете это сразу же при виде товара, не дожидаясь даже, чтобы вам озвучили цену.

— *Duoshao?* (До-шао?) — Сколько? — Произносится с интонацией восходящего негодования: «Да ты что, батенька мой/лапочка моя!»

— *Kaiwanxiao!* (Кай-вань-сяо!) — Да это просто смешно, в конце концов, ты посмотри, что за товар ты мне подсовываешь, ну просто ни стыда ни совести, глаза-то не отводи!.. — Говорится под настроение.

— *Haο!* Xiexie! (Хаο! Се-се!) — Хорошо! Спасибо! — Когда отчаливаете от прилавка с набитым под завязку черным полиэтиленовым мешком.

— *Buhaο!* (Бу-хаο!) — Нехорошо! — Лучше не говорить, и так по вашему виду все понятно.

Как водить машину в Китае

Лучше бы вам вообще ее здесь не водить, а передвигаться на такси. Оно и дешевле, и спокойнее. И вам, и окружающим. Почему? Выйдите с утра пораньше на улицу в большом или не очень большом китайском городе и оглядитесь. Бывали в ГУМе на распродаже дефицитных товаров в период развитого социализма? То-то и оно... Здесь это обычное начало рабочего дня.

Машины, пешеходы, велосипедисты, рикши, мопеды, тележки, грузовики, всё вперемешку — и никто не хочет уступать. Особо остерегайтесь велосипедистов. Они мнят себя неприкосновенными и не обращают внимания на машины, считая, что те должны дать дорогу в любом случае.

Но если так уж хочется самому (самой) сесть за руль, то надо запомнить крепко-накрепко одно правило: уступайте дорогу. Лучше три раза уступить, чем один раз кого-то задеть.

Лучше, конечно, обзавестись дипломатическими номерами. Говорят, это вполне возможно при известных связях. Тогда вы получите право ездить сикось-накось и задом наперед. Отношение китайской полиции к дипмашинам такое: лучше не связываться.

Если по какой-то смешной причине вам отказали в дипломатических номерах, а такое, поверьте, еще бывает, будьте начеку. То есть ездите, как все. Осторожно и по возможности соблюдая правила. Китайская автоинспекция работает неплохо, не сидит сладострастно по кустам с измерителем скорости, на это камеры наблюдения есть, но нарушителей карает строго, пьяных за рулем не щадит.

Когда вас подрежут, взгляните в первую очередь на номера и подумайте: стоит ли связываться. Есть номера для неприкасаемых, трудно прикасаемых и прикасаемых. К первой категории относятся транспортные средства повышенной вместимости, прежде всего это пассажирские автобусы с желтыми номерами. Они всегда имеют преимущество. Вторая категория — машины с черными табличками, свидетельствующими о принадлежности к посольству или иной дипломатической миссии. Их носители могут ездить так, словно они не знакомы с дорожными обычаями и традициями аборигенов. Постовые при виде их отворачиваются.

Но еще больше они боятся связываться с машинами с белыми табличками. Это полиция, армия, пожарные и прочие силовики. Перед номером могут стоять самые разные иероглифы и буквы, указывающие на принадлежность к ведомству, но вы на них не смотрите. Белый фон — его достаточно, чтобы уступить.

И уж совсем без возражений давайте дорогу машинам с красными литерками на белом — WJ. Это *у-цзин* / *wujing*, вооруженная полиция, аналог наших внутренних войск, только покруче. Замечу к слову, что на поддержание системы внутренней безопасности, включая вооруженную полицию, Китай тратит ежегодно больше денег, чем на оборону от внешнего врага, со всеми армейскими солдатами и офицерами, авианосцами, танками, ракетами и прочим военным снаряжением. Приоритеты понятны?

— Да уж, если видишь навороченную тачку с госномерами, то это часто как раз вооруженная полиция, — сказал Сеня. — Видно, живут ребята хорошо, часто у ресторанов, у клубов стоят. Государство на них денег не жалеет. Как-то вечером шел мимо клуба, наткнулся на совершенно офигенную машину — низкая, спортивная, цвет обалденный, фиолетовый, на таких звезды ездят, я ее обошел два раза, окна затемненные, думаю, что за марка такая, хотел посмотреть, и вдруг гляжу — номер этот самый, *у-цзин*, и там вроде за рулем еще кто-то сидит, ну, я скорее ноги сделал от греха подальше, а то еще заберут... Правда, сейчас вроде Си Цзиньпин приказал силовикам быть скромнее, не светиться особо, в том числе и с крутыми тачками.

С недавних пор военным запретили использовать спецномера на люксовых автомобилях. Вроде как борьба с коррупцией. Но на деле, конечно, это скорее лишь уступка общественному мнению. Ведь обывателей, то есть всех остальных людей, не обладающих спецномерами, это сильно раздражало...

А вот с кем вы можете вступить в спор на дороге — так это с машинами-носителями самой распространенной категории номеров — синей. Этот цвет для всех.

— Ну уж нет! — не согласился Сеня. — Тут тоже надо на номер смотреть. Если из сплошных восьмерок, лучше не связываться. Счастливые номера купить нельзя, можно получить только по блату. С такими и гаишники опасаются иметь дело. А вообще надо ездить остороженько не из-за них, а из-за другой публики.

— Ты кого имеешь в виду? — спросил Мудрец Сун.

— Да всех подряд! Они же ездят по-своему. Могут вообще по противоположной стороне гнать. Особенно тележечники и мотоциклисты с велосипедистами. А если их задеть — валятся на землю, как раненный боец молодой, и лежат, полицию ждут. Я как-то шел вечером с работы, женщина посреди дороги сидит, все ее объезжают. И машина перед ней стоит. Водитель пытается поднять женщину, та не дается, так и сидит сиднем. Чтобы убедительнее было. Потом еще так же вот мотоциклист на перекрестке у моего дома около часа сидел. Уже и полиция приеха-

ла разбираться, он все сидит. Полицейских не слушает. Я специально наблюдал — когда же встанет. Может, в самом деле травма тяжелая? Нет, когда все улеглось, о компенсации договорился, встал и пошел как ни в чем не бывало. Этот шантаж зовут «разбить фарфор»: раньше на рынках вымогатели под ноги подставляли уже колотый фарфор.

Как и за что наказывают водителей? Действует система баллов за нарушения. Набралось 12 баллов — лишение прав и пересдача экзаменов. С 1 января 2013 года правила ужесточились. Власти ужаснулись огромному количеству происшествий и жертв на дорогах, правила соблюдаются весьма условно, а машин становится все больше, несмотря на ограничения: лотереи в Пекине — для получения номера, так просто его не дают, жаждущих сотни тысяч, и аукционы с той же целью в Шанхае, причем цена номера все растет и уже равна стоимости машины.

За проезд на красный свет, самое распространенное нарушение, штраф подняли с 3 до 6 баллов. За езду без номеров или закрытые чем-то номера — сразу долой 12, соответственно лишение прав и пересдача.

Права забирают также за «оставление места происшествия», перевозку большего числа пассажиров, чем разрешено для данного типа машины, и так далее.

Самое суровое наказание выносится за пьяное вождение. При наличии самого незначительного алкоголя в крови следует лишение прав на 6 месяцев и денежный штраф в 2000 юаней. Если содержание алкоголя превышает 0,8 промилле — тюремное заключение минимум на полгода и лишение прав на 5 лет. Это если обошлось без аварий и жертв.

Кстати, полицию на дороге не часто увидишь. Ее заменяют камеры.

А машину конфисковать...

Всякому в России знакомы леваки. «А есть ли они, например, в пекинском аэропорту?» — спрашивают меня читатели. Да есть, конечно. Перехватывают клиентов. Гости-новички, особенно иностранцы, клюют, хотя сразу за дверью стоянка такси и ждать максимум минут десять-пятнадцать — и то если уж очень много рейсов сошлось.

— Ну уж прямо так идеально, — сказал Сеня. — Я раз прилетел из Шанхая, несколько рейсов сбились в кучу, вечером, часов в 11, заморозки, холодно было жутко. Я вышел, очередь — в три ряда, многие легко одеты.

— И сколько ты ждал? — спросил Мудрец Сун.

— О, я хитрый! — сказал Сеня. — Меня машина встречала.

Леваки дежурят не только в аэропортах, но и у конечных станций метро. По два-три десятка «черных машин», *хэй-чэ* / *heiche* (так их называют), стоят у всех пекинских вокзалов, а их три — Западный,

новый — Южный и просто Пекинский. После прибытия нескольких поездов одновременно в очереди на такси приходится ждать час и больше. А если холодно? Если вокзал далеко от центра? Южный и Западный как раз далековато. Иногда левыми становятся официальные желтые такси, которые не колесят по городу, а отстаиваются у лакомых мест. Они готовы отвезти за цену, превышающую официальную в 5–10 раз. Соответственно их заработки в 10 раз выше. Пекинский таксист в день зарабатывает юаней 250–300, после всех вычетов — выплат компании-владельцу, ремонта, стоимости бензина, штрафов. Левак может набомбить за сутки 2–3 тысячи.

Время от времени власти объявляют им войну. Меры называются суровые: за обман-обсчет клиента, особенно иностранца, за провоз на левой машине — конфискация автомобиля или штрафы до 60 тысяч долларов (!), а злостным нарушителям — тюремное заключение или принудительный труд с выплатой штрафа. Впрочем, такие кампании длятся недолго. Потом все идет, как идет.

Пользоваться «черными машинами» можно только в случаях крайней необходимости. В каких? Когда официального такси нет и не предвидится. То есть в пятницу вечером, или после выхода со стадиона, с концерта, когда идет снег или дождь. Таксисты не выезжают в такие часы на дорогу. В непогоду цены кусаются еще сильнее, но собственное здоровье дороже. Какие меры стоит принять для обеспечения безопасности? Запишите номер машины или снимите на сотовый. Это ограничит возможную «злую волю» левака. Что имеется в виду? Требование заплатить больше, прессинг, блокировку дверей. Все-таки лучше ищите обычное такси.

Советы начинающим китаеведам: Берите в такси счет!

Счетчики установлены во всех машинах. Зачем вам счет? Он выручит, если вы что-то забудете в такси. Сотовый или еще какую-то вещь. Не надейтесь на сознательность водителя. Мой товарищ, китаевед, возвращаясь на родину, забыл на заднем сиденье такси самое ценное — трехлетний труд по составлению словаря, жесткий диск с файлами. Все вещи из багажника забрал, а сиденье сзади не проверил. Вспомнил только, когда вошел в здание аэропорта. Шофер не вернул рюкзачок на склад забытых вещей, как требуют правила, найти его не удалось... Это самый печальный случай. А сколько зонтиков, телефонов, iPhon'ов... Так что требуйте счет! Он называется «фапяо» (с легким придыхательным «х» после «п») — «fapiao».

Как ездить на велосипеде в Китае

Если вы смелы и отважны, преисполнены романтики и охвачены жадой познаний, а также знаете, как тормозить, то ездить на нем в Пекине одно удовольствие. На велосипеде вы — царственная особа. Машины вас остерегаются. Пешеходы побаиваются. Для велосипедистов вдоль основных дорог тянутся боковые дорожки *фу-лу / fulu*.

Вначале, конечно, страшно вливаться в густой поток двухколесочников. Я на всю жизнь запомнил первую поездку. Велосипед я купил, как на грех, в одном из самых оживленных мест — на улице Передние ворота. Тогда она была еще настоящая, живая. Именно ее снимали сверху зарубежные фотографы, которым было дано задание: показать, сколько в Китае людей. Перед олимпиадой ее начисто снесли и построили новую, напоминающую бутафорские ковбойские городки из голливудских фильмов, только вместо деревянных поставили серые каменные, в старинном китайском стиле... Но не об этом речь. Речь о первой пекинской велосипедной поездке.

Мало того, что на велосипед я не садился лет этак тридцать и плохо помнил, где тормоз, и только из детства, проведенного на велосипеде «Орленок», вынес воспоминание, что тормозить надо, прокручивая педали до упора назад, так еще угораздило купить этот самый велосипед в конце рабочего дня, когда все торопятся домой. Слева, справа, спереди, сзади — везде велосипедисты, тут же над тобой раздается оглушительный скрежет — это проносится, притормаживая с пронзительным визгом, набитый битком автобус, не давая передохнуть, тебя притирает к обочине повозка с мешками, из переулка на таран мчится велотележка с кругляшами прессованной угольной крошки — топливом для домашних печек (ей уж точно терять нечего!), подрезают таксисты. Жуть! Педали назад, как у «Орленка», крутятся, но не тормозят, оказывается, тормоз — на руле! Кто бы мог подумать?!

Страшно... Но — самое удивительное! Никто! Никто, повторяю, ни одна живая душа на этой узкой, забитой народом и машинами улице, за эти пять жутких минут до выезда на широкую площадь Тянь-аньмэнь ни разу! не ругнулся! не крикнул ничего! вслед неловкому новичку! И за это терпение и понимание я был и по сей день остаюсь преисполнен благодарности пекинцам.

На следующее утро, вдохновленный успехом минувшего дня, я выехал на работу. Велосипед неся с нечеловеческой скоростью. Ветер свистел в ушах. Волосы развевались (вероятно). Все мелькало вокруг. Солнце и ветер били в лицо. Просто супергонка! Потом я стал различать окружающее. Выяснилось, что меня все почему-то обгоняют!

Ладно там мужчины, но и женщины. Причем совсем не спортивные, и те обгоняют. Да ладно женщины... Если симпатичные, это даже интересно их вперед пропускать, вроде как специально — полюбоваться, посмотреть, к примеру, как там вот эта вот часть тела совпадает с сиденьем...

Но разве интересно смотреть, как тебя обгоняет упитанный щекастый пионер в спортивном костюме и с ранцем, наглец этакий, да еще с красным галстуком... вот еще один пионер поравнялся, совсем маленький, скорее даже октябренок... Я надавил на педали, поднажал. И был доволен. Пока не услышал рядом скрежет. Повернул голову: мимо проплывала старушка в старомодном «суньятсеновском» френче. К багажнику ржавого велосипеда у нее была привязана сумка с пучком сельдерея. Пакет с помидорами выпирал из велосипедной корзинки спереди. На лбу козырек от солнца. В зубах у старушки торчала сигаретка. Велосипед был огромный. Старушке это не мешало. Велосипед плыл по инерции. Может, ее кто толкнул под горку в начале пути? Проводив тоскливым взглядом старушку, я понял великую силу теории относительности, успокоился, бросил пыжиться и сравнивать себя с другими, перестал терзать педали и принялся наслаждаться ездой.

А это такой кайф! Как еще посмотреть Пекин в свое удовольствие? На машине слишком быстро. Пешком слишком медленно. На двух колесах — в самый раз. Можно заехать в любой переулок, с чувством, толком, расстановкой все рассмотреть, понюхать, пощупать. Доехал куда надо, поставил велосипед, запер на замок, погулял и опять в седло.

Велосипед можно взять на время. Сейчас по городу рассыпаны стоянки прокатных великов. Заплатил картой — и катись. Можно купить. Практичнее брать велосипед самой распространенной в стране марки. Лучше — шанхайский «*Yongjiu*», что означает там — «Forever», а у нас, в свою очередь, «Навсегда». Он прост и недорог, его не украдут, что часто бывает с навороченными моделями, которых тоже полно в любом специализированном магазине. А если украдут, то не так быстро. «Навсегда» в полном соответствии с именем славится надежностью. Рама прослужит десятилетия. На ней потом можно поставить дом. Кроме «форевера», китайской велосипедной классикой стали «Летящий голубь», «Фэй-гэ» / «*Feige*», и «Феникс», «Фэн-хуан» / «*Fenghuang*». Хотите приобщиться к настоящему Китаю — ездите на них.

Тем более что велосипедной толкучки на пекинских улицах все меньше и меньше. Но, к сожалению, просторнее на дорогах не стало. Наоборот. Все пересаживаются на машины.

Придумано китайцами: — безмен

На китайских сельских рынках до сих пор встречаются старые весы-коромысла — деревянная или железная палка с насеченными на ней делениями, к которой подвешивается гирька на скользящем шнуре. К другому концу коромысла цепляется на крючке товар, гирька сдвигается туда-сюда, уравнивая груз, — и вес известен. В отличие от весов с двумя чашками, безмен не требует множества гирь — промежуточный вес указывают деления на палке. А основной вес задает гирька. Безмен придумали китайцы еще за 200 лет до новой эры. Гениальное в своей простоте устройство позволяет взвешивать грузы в десятки килограммов. Запросто можно узнать вес мешка риса или живого барана, нравится ему это или нет. В Китае любители древности коллекционируют гири для весов-коромысел, которые делятся на три группы: в виде китайских башен, в виде молота, или в виде животных. Их делали когда-то даже из золота и серебра. Коромысла изготавливали из редких сортов красного дерева. Признаюсь: я тоже коллекционирую безмены. Уже целых два насобирал. Сначала один купил, лет 10 назад, в Пекине на блошином рынке, теперь вот второй из Муданьцзяна привез, с коромыслом из красного дерева. Правда, гирьки чугунные, не из золота. А жаль.

Все ли в Китае ездят на велосипедах?

Во многих городах велосипедов не увидишь, а если увидишь, то мало. Почему? А неудобно. К примеру, возьмем город Циндао на берегу Желтого моря. Там предпочитают мотоциклы и мопеды, потому что город лежит на холмах и прибрежных горах. На ножной тяге не одолеть. Или возьмем Гонконг — там из двухколесных только мотоциклы. В Китае сейчас, кстати, действуют ограничения по части мотоциклетной тяги. В Шанхае, например, уже много лет разрешены только электрические или газовые.

Почему Пекин приятен велосипедистам? Он плоский, лежит на равнине. Ни холмов тебе, ни подъемов. К тому же простор, есть где устроить боковые дорожки. А вот в Шанхае улицы узкие, там велосипедистов мало, зато мотоциклов хоть отбавляй. Впрочем, и в Пекине золотое время велосипедов миновало. Несмотря на то, что власти поощряют их использование, к примеру, поддерживают компании, пытающиеся организовать арендный сервис. Однако работающие люди предпочитают автомобиль. Он, может, не так полезен, но удобен. Особенно если

ездить далеко. Или на улице дождь. Или детей отвезти в садик или школу. А зимой? Климат в последние годы изменился, зимы в столице все холоднее, все длиннее и суровее.

— Вообще все эти разговоры про пользу для здоровья, они для бедных, — вклинился Сеня. — Вот в Москве кто живет в Ясенево, талдычат, ох, мол, у нас воздух замечательный. А предложи перебраться в центр — за милую душу согласятся и про воздух забудут. Просто надо же что-то хвалить.

— А ты разве живешь не в Ясенево? — спросил Мудрец.

Как входить в автобус или вагон метро в Китае

Входить надо пошустрее. Забудьте эту свою вредную привычку уступать. С ней вы рискуете навечно остаться на обочине или на платформе метро. Вашу застенчивость тут же заметят и оценят по достоинству: «Ага, этого (эту) можно игнорировать!» А когда, устав ждать, ломанетесь вперед, это будет воспринято с неким даже недоумением: «Вроде сначала приличным показался (лась)...»

В Китае так много людей, что если все будут друг другу уступать, в автобус или вагон никто не войдет. Поэтому вход-выход похож на схватку двух команд в американском футболе: две толпы несутся друг другу навстречу, выпятив ударное плечо. Толстые и большие побеждают. (Еще один повод не сидеть на диете.)

То же самое относится к лифту. Готовьтесь к встречам лицом к лицу.

Купите шелковый шарф, или Как переходить улицу в Китае

Летчики первой и второй мировой войн в боевые вылеты отправлялись с шелковым шарфом на шее. Это было не пижонство, а необходимость: шарф служил частью экипировки. Почему? В полетах надо было постоянно вертеть головой в разные стороны, чтобы вовремя заметить вражеский истребитель. Не заметил — сбит. Без шелкового шарфа ворот стирал шею до крови.

Улицы Китая, конечно, не военное небо. Но головой вертеть необходимо! Причем не так, как у нас: сначала налево, потом направо. Сразу во все надо вертеть! Справа в любой момент на вас могут налететь несущиеся против движения велосипедисты, мотоциклисты, тележки и мопеды на электрическом ходу — бесшумные «убийцы», как мы, ветераны Китая, их называем.

Привычка пользоваться поворотниками в Китае пока не прижилась. Частные автомобили появились не так давно, культура вождения только начинает воспитываться, многое в новинку, в том числе и поворотные сигналы. Водители придерживаются принципа: каждый пусть сам заботится о себе, поэтому будьте готовы к тому, что машина может повернуть в самый неожиданный для вас момент.

— Братан как-то поехал на рыбалку с друзьями, — сказал Сеня. — Куда-то на озера, на Валдай. Глушь. Вечер. Дорога через лес, грунтовка, по корням да по кочкам. Подъезжают к развилке. Брат на автомате включает поворотник. Друзья давай ржать. Ну, ты даешь, говорят. В лесу — и поворотник!

— Лет через пятьдесят и в китайском лесу тоже будут включать поворотник, — ответил Мудрец Сун. — Если леса еще останутся, конечно.

Улицу следует переходить боясь. И двигаться даже быстрее, чем при посадке в автобус. На светофор при этом лучше не глядеть. Потому что все водители без исключения поворачивают направо на красный свет. Это разрешено! Нам осознать это трудно, но приходится.

Вы можете, конечно, прикинуться чайником, который привык у себя на родине переходить на зеленый свет и поэтому может по-идиотски гордо идти на прущие на него машины. Но это опасно, друзья мои! Вам может попасться такой же чайник-водитель, привыкший не уважать пешеходов и считающий, не без оснований, что бояться надо железного коня, а не мягкого тела какого-то двуногого. Словом, не рискуйте. Не надо своим печальным примером перевоспитывать водителей. Их слишком много. Действуйте по обстановке, то есть робейте, оглядывайтесь по сторонам и шагайте скоренько.

Старайтесь не нарушать правила. Не следуйте неверным примерам, которые в обилии встречаются на китайских улицах. Каюсь, сам грешен, хотя стараюсь изо всех сил... Власти решили взяться за пешеходов, ввели штрафы. «Долой китайскую манеру переходить улицу!» — стали писать на табличках, которыми дорожная полиция воспитывает массы. Эта «манера» заключается в том, что люди не обращают внимания на светофоры: есть свободное пространство, пусть перед самым носом автомобильной стаи — вперед! Их защитники утверждают, что нетерпение пешеходов часто вызвано слишком долгим ожиданием зеленого света.

Впрочем, о том, кто на дороге главный, вам не дадут забыть китайские водители. Они обожают сигналить пешеходам. Идешь, к примеру, через переход, а тебе издали гудят несущиеся машины — они и не думают снижать скорость. Вы полагаете, так они гоняют только иностранцев, чтобы жизнь в Китае раем не казалась? Ничего подобного.

— Нет, вы подумайте, иду по переходу, а мне сигналият! — возмущается наша старая знакомая, интеллигентная дама по фамилии Бай, а по-русски — Соня. — Я иду, а они гудят и гудят! Чего они ждут — что я побегу? Но я же не могу вприпрыжку носиться, иду так, как получается.

Думаю, ответ возможен такой: зачем тормозить, напрягаться, если можно посигналить? Пусть другие напрягаются, бодрее шевелят конечностями. Да и вообще, гудеть китайские шоферы просто обожают! Это такое средство общения со вселенной, колыхание божественной пнеумы, будирование невидимой частицы *ци / qi* — из которой всё и состоит, согласно китайской натурфилософии. Или же отпугивание вредоносных частиц *ша / sha*... Есть ли кто на дороге, нет ли кого, день на дворе или глухая ночь, спят ли люди или нет, промышленная зона вокруг или окна больницы над тобой, надо ли предупредить опасность, не надо — эти вопросы не волнуют водителей. Реви, клаксон, пой, душа! Крепко, до дрожи пробирают ночные сигналы автобусов и грузовиков, истошно-утробные. Или просто истошные. Или просто утробные. Наверное, вождение без сигналов кажется слишком пресным. Как китайский новый год без фейерверков и хлопушек.

Нечитаемые окна

«Я люблю под окнами мечтать, // Я люблю, как книги, их читать... // Он мне дорог с давних лет, // И его яснее нет — // Московских окон негасимый свет», — поется в душевной песенке, неформальном столличном гимне.

Меня она трогает, эта песенка, «Московские окна». Еще больше, возможно, она трогает, хотя и весьма сомнительно, учитывая характер, моего старшего брата Андрея, которого, забрав утром из Перовского райвоенкомата, мотали по столице в автобусе в компании других юношей разной степени остриженности и одушевленности, с заездом на сборный пункт на Красной Пресне, а провезли на железнодорожную станцию, для отправки к месту службы, протянувшейся, если говорить о карьерной лестнице и чинах, от звания солдат ВВС до звания ефрейтор ВВС, с квалификацией механик-приборист, с наградой — «письмом на Родину» вместо 10 суточного отпуска, плюс 30 суток на дорогу туда и обратно (родители были счастливы, получив конвертик с благодарностью за сына, потому что до армии никто таких писем про него не писал), а если говорить о пространстве службы — от украинской Вапнярки в степях под Одессой, где обучался в Школе младших авиационных специалистов (ШМАС), до аэродрома у поселка Ключи на Кам-

чатке, возле действующего вулкана Ключевской с сопкой Домашкой, на которую совершил незабываемое восхождение, до геодезического знака с медвежьими следами на тропе, в коготь входили два пальца... так вот провезли на вокзал после блужданий по городу, когда уже совсем стемнело, почему-то akurat по нашей ничем не примечательной Ухтомской улице, и он успел ухватить взглядом поверх голых веток сирени в палисаднике окно коммунальной кухни на втором этаже и даже различил за занавеской соседку, тихую тетю Шуру, которая доубиралась после проводов. Тогда он заплакал... Был ноябрь.

Но вряд ли бы мой брат заплакал, если бы его везли в армию по китайской улице. Он просто никого бы в окне не рассмотрел.

И уж совсем нельзя их читать, как книги, о чем поется в песенке, при всем на то самом искреннем желании.

Почему? Потому что окна совсем не думают сиять ярким, и тем более негасимым, светом.

Пройдите по обычной китайской улице вечером. Окна полутемные. Лампы и люстры дают минимум освещения. Любой спальный район Москвы покажется на этом фоне просто рождественским праздником с мириадами горящих огней. В Китае не увидишь освещенных подъездов, и места общего пользования в домах всегда в потемках, потому что обходятся без постоянно горящих светильников. В магазинах самые ходовые лампочки — 25–40–60-ваттные. Стоваттные редкость, китайское правительство обратилось к населению с просьбой пореже их использовать.

То же самое со стиральными машинами, другими бытовыми приборами. Все они предельно экономичные.

Китайцы живут скромно (я не говорю о нуворишах), экономно, берегут электричество, воду, пространство, все, что стоит денег. Иначе не прожить.

«Sorry seems to be the hardest word», или Трудности с извинениями

«Sorry seems to be the hardest word» («Труднее всего сказать прости»), — поет в одной из лучших своих песен Элтон Джон. В китайском языке есть, конечно, слова «простите», «извините». Но вот услышать их можно не так часто.

Обычная деловая ситуация: сотрудник сделал что-то не так. Ошибся, недосмотрел, недоработал. Начальник делает замечание. Работник слушает, опустив голову. А может, и не опустив. Но слово «извините» начальник вряд ли услышит. Если только его подчиненный не проходил учебу за границей, не работал в иностранной компании.

— Мой приятель Андрюха, он турбизнесом занимается, ну и другими бизнесами, рассказывает, как в их семье, а у него жена китаянка, проходит разбор полетов, — делится опытом Сеня. — Сидят все за столом, и Андрюхин тесть, ну, китаец, конечно, начинает говорить, что сделано так, что не так. У них там пять сестер. Все сидят, слушают. Отец начинает кого-то ругать. Виновница слушает, голову опустит, плачет. Но никаких — извини, мол, отец, прости, больше не буду...

С чем это связано — нежелание сказать «извините»? Наверное, со страхом потерять лицо. Сказать «извините» — значит уронить достоинство. Лучше промолчать. «Тем более, что не так уж я виноват(а) — просто стечение обстоятельств».

Хуже всего приходится тем иностранцам, которые этой психологической особенности не знают. И попадают. Они ждут извинений от виновника, а на них смотрят и даже улыбаются. Вот тут не надо закипать! Улыбка в подобных ситуациях не издевательство, а своего рода извинение. Улыбаясь, китайский человек таким образом проявляет смущение, замешательство. Это надо иметь в виду всем, кто живет и работает в Китае.

Не ждите извинений как должного. Если вам сказали *дуй-бу-ци* / *duibuci*, или *бао-цянь* / *baopian*, или *бу-хао и-сы* / *buhao yisi*, радуйтесь как дети, это всегда приятнейший сюрприз.

Немного о морали, или Лучше ли плакать в BMW, чем смеяться на велосипеде?

Мораль в мире падает с незапамятных времен. Вспомним сетования на эту тему древних греков или старание Конфуция приблизиться к нравственным стандартам Чжоу-гуна, идеального правителя, жившего за пять веков до него. Между тем в «Книге песен», «Шицзин», созданной как раз в эпоху Чжоу, в разделе «Нравы», стихи также обличают безнравственность: и тогда уже не все было в порядке. Словом, состояние морали всегда оставляло желать лучшего.

А как в современном Китае? Средства массовой информации, особенно интернет, сделали моральные проблемы достоянием широких масс. Случившееся получает почти мгновенную оценку. Справедливую или нет — иной вопрос. Но реакция на нечто, задевающее совесть, проявляется широко и бурно.

Несколько примеров последних лет, из числа тех, которые в китайском обществе получили большую огласку. Эти случаи произошли в разных городах Китая.

...Маленькая девочка попала под машину и долго лежит на проезжей части, мимо едут автомобили и проходят десятки людей, пока наконец ребенка не подбирает сердобольная женщина...

...Пьяный юнец в авто сбивает двух девушек в университетском городке, не останавливается, довозит свою подружку до общежития, а когда его задерживают охранники, кричит: «Как вы смее? Мой отец Ли Ган!» Выясняется, что его отец занимает пост в местной полиции. Одна из девушек умирает. Фраза «Мой отец Ли Ган» становится мемом и хештэгом в блогосфере, во всех случаях, когда кто-то хочет снять с себя ответственность. Власти пытаются замять дело, избежать огласки, но в итоге под давлением общества виновник приговаривается к шести годам заключения...

...Девушка на одном из телевизионных шоу, где ищут себе пару, во время дискуссии о ценности любви при вступлении в брак заявляет: «Лучше плакать в BMW, чем смеяться на велосипеде»...

...Молодой человек помогает пожилой женщине, получившей травму, подняться, взамен получает от нее обвинение в том, что он-то и толкнул (а иначе с какой стати помогал?), старушка подает в суд, незадачливому филантропу приходится платить значительную сумму. В сети одни возмущаются — вот и помогай после этого пострадавшим! Другие собирают деньги для доброго юноши...

Что происходит, спрашивают сами китайцы? Неужели сердца очерствели и материальное совершенно придавило духовное?

Все вспоминают бескорыстного солдата 60-х годов Лэй Фэна, который считается образцом нравственности. Сообщают о смелых людях — тех, кто пожертвовал собой, спасая утопающих, во время пожаров, землетрясений. Таких примеров много.

Люди, очевидно, остались такими же, какими были при Желтом императоре, такими же будут и после нас. Всегда были плохие и хорошие. Вопрос только в том, насколько комфортно чувствуют себя и те, и другие в разные времена.

В Китае хороших и добрых намного больше, чем плохих. О плохих выгоднее писать. Новости про хороших продаются хуже. Да и самому человеку, если он не ангел с крыльями, часто хочется быть выше других в собственных глазах.

Так что упадка нравов нет. Материализм — да, свирепствует. Но разве и в России сейчас не так? Кроме того, все имеет обратную сторону, включая тот же материализм, стремление к жизненным благам.

Когда начинаешь жить лучше и нет нужды все время думать о том, как накормить семью и где ей жить, больше времени остается, чтобы подумать о другом — и о других.

В Китае постепенно набирает силу частная благотворительность, особенно после Сычуаньского землетрясения 2008 года, хотя государство по-прежнему считает, что даже благие порывы обязаны находиться под его контролем. Ни одной неправительственной организации не разрешено самой по себе заниматься филантропией, получать и распределять средства. Хочешь что-то делать для людей — иди в Красный крест. Он будет делить деньги. Дыру в этой стене пробил знаменитый актер, мастер гун-фу Джет Ли, в течение нескольких лет его благотворительному Фонду «Один» (1 человек + 1 юань + 1 раз в месяц = большая семья) отказывали в регистрации в КНР, наконец, в порядке эксперимента разрешили — в особой экономической зоне Шэньчжэнь. Но и сейчас получаемые деньги идут не напрямую, а на счет китайского Красного креста, который производит выплаты нуждающимся людям и организациям, а Фонд «Один» лишь контролирует использование присылаемых для него средств.

Важность человеческих качеств

В Китае, как и во всем мире, принято давать оценку людям.

О добродетели — *дэ / de*, о человечности — *жэнь / ren* говорили древние философы. Это свойства личности, стремящейся к развитию.

А как сейчас китайцы судят о людях высокой нравственности, уважающих других, соблюдающих достоинство — свое и чужое?

Мало кто будет поминать *дэ* и *жэнь*. Это все-таки высокая литература, философия.

В жизни, в быту сейчас в ходу определение, которое трудно перевести на другие языки. По-китайски — *су-чжи / suzhi*. Словари толкуют — «качество».

Но в современном языке и сознании китайцев это уже не просто качество, это — свойства личности, *человеческие качества*. Причем не те, которые даны изначально, от природы (для них есть другое определение), а приобретенные, развитые уже самим человеком, сознательно.

Они могут быть «низкими» — *ди / di*. Кто-то оставил машину на дороге, загородив проезд, подрезал, нахамил, про него скажут: «Низкие человеческие качества!» И наоборот, назовут «высокими» — *гао / gao*, когда кто-то проявил доброту, смелость, бескорыстие: «Высокие человеческие качества!»

Китайцы сдержанные люди. Осторожные в оценках. Мы бы кричали: «Хам!» и еще что похлеще. Китайцы же: «Ай-я! Су-чжи ди!»

Ругаются ли китайцы

Вы будете удивлены — да, ругаются. Вежливые, сдержанные, вроде бы не склонные к проявлению эмоций люди, — ругаются.

Более того — ругательства почти такие, как у нас. Примерно тот же набор выражений про матушку, похожий охват женских и мужских гениталий, с которыми сравнивается собеседник. Богат арсенал слов, означающих половой акт с объектом внимания. Весьма употребительно уподобление адресата первичным половым признакам парнокопытного млекопитающего, а именно коровы, если конкретно — основному признаку, *ню-би* / *niubi*. Замечу, впрочем, что подобно русскому чудаку на букву «м», это выражение в последние годы стало вполне распространенным и почти цензурным. Мало того — оно приобрело ярко выраженный положительный характер и применимо не только к личности (в значении «молодчина»), но и к различным событиям и явлениям общественной и частной жизни, спортивным событиям и творческим достижениям. Я его слышу, к примеру, на неформальных бизнес-встречах в качестве высокой оценки проекта — «круто»!

В то же время, есть обидные выражения. Основной признак, уже не относящийся к парнокопытным, но тоже женского рода, снабженный приставкой «глупая», отнюдь не является похвалой, но оценкой недостаточно высоких умственных способностей одной из сторон конфликта. Я ее удостоился, например, как-то в споре с таксистом, когда разошлись мнения о целесообразности выбранного маршрута.

Есть и чисто китайские словечки. Они имеют отношение, например, к черепахе, хотя это животное принадлежит к числу священных и почитаемых, но ругательство — «черепашьё яйцо» — считается весьма злым.

Физическое свойство китайцев?

Это свойство — заполнять пространство. Как газ заполняет объем, ему отведенный, так и близкие моему сердцу китайцы заполняют любой объем, который считают нужным заполнить. Никто не заботится о том, допустим, чтобы дать место, освободить проход, равно на улице или же в помещении. Происходит это не только в Китае.

— На какой-нибудь пресс-конференции, или перед встречей важных людей, или после нее, в пресс-центре собираются люди, журналисты, — рассказывает мой однокурсник и товарищ, прекрасный японист Владимир Солнцев (по институту — Вовка Sun... строительный отряд, темный ветреный вечер, берег Протвы, печеная картошка, можайская водка, он у костра с гитарой среди друзей, джинсы, штормовка, длинные волосы,

Beatles, Uriah Heep, Deep Purple, звездное небо над головой, чувство дружбы внутри нас...), много лет проработавший корреспондентом информационного агентства в одной азиатской стране. Да что темнить (вот она, благоприобретенная в Поднебесной привычка — не называть вещи своими именами!): в Японии. — И стоит здесь оказаться одному китайцу, как тут же рядом с ним начинают появляться другие. Они заполняют пространство и не то чтобы стараются вытеснить тебя, а просто не замечают. Когда просишь, потише, мол, ребята, они на какое-то время утихают, успокаиваются... а потом всё начинается по-новому.

Чем объяснить сей феномен? Возможно такое объяснение: китайцы привыкли жить общиной. Или семьей. За границей место семьи занимают соотечественники. Они и помогут, и выручат. Держатся вместе, сплоченно, признают только своих, если впускают в свой круг чужого, то осторожно — и только если это необходимо, на определенный срок и в отведенных рамках. А что не замечают посторонних и не заботятся об окружающих — очевидно, это следствие той же необходимости все время жить в массе людей. Единственная возможность оградить и сохранить себя в этих условиях — отстраниться, сконцентрироваться лишь на собственном «я», игнорировать все, что не входит в круг твоих интересов и твоего внимания.

— Когда долго живешь в уединении в горах, забываешь про внешний мир, какой он, какие там люди. И вот однажды по тропинке к твоей хижине приходит человек, — начал задумчиво Отшельник Сун.

— Ну, и... — ? — спросил Сеня. Друзья сидели в чайной на улице Люличан, на втором этаже. Здесь они укрылись от ревущей за окнами песчаной бури — ветра из гобийских пустынь и монгольских степей, который каждый год по весне любит забрасывать Пекин мельчайшим песком.

— Этот человек ведет себя не так, как ты, — продолжил Мудрец. — Ты привык есть два раза в день, утром и вечером, лепешку из рисовой муки и овощи. Пришелец требует мяса. Он не ходит с тобой за хворостом. Ты довольствуешься подстилкой из тростника. Он хочет спать на пуховой перине за шелковым пологом. Ты думаешь, какие капризные эти люди, там, снаружи...

Он отпил шаосинского вина, за которым Сене пришлось сбегать, прикрываясь воротником куртки от жесткого песчаного ветра, в соседний магазинчик. Хозяин чайной вина в запасах не держал. Но и не стал возражать, когда гости поставили на стол фарфоровый кувшинчик.

— Да, ты думаешь: все люди там такие, как этот, — сказал Старина Сун, глядя на Сеню. — А потом он уходит. Ты его забываешь. И тут приходит другой. И он, как и ты, спит на тростниковой подстилке,

ловит вместе с тобой рыбу, ест лепешку и запивает водой из ручья. И ты думаешь: все люди, там, снаружи, такие.

— Все равно не пойму, к чему ты клонишь, — заметил Сеня. Они помолчали. Сеня подумал немного. — А, — сказал он, — вот ты о чем. Типа — не обобщай? Типа все люди разные. И китайцы тоже?

— Разве не так? — спросил Старина Сун.

— О чем разговор! — сказал Сеня и подлил Мудрецу шаосинского вина.

В холодную пыльную бурю хорошо пить подогретое рисовое вино, смотреть, как гнутся за окном тополя и слушать завывание ветра за решетчатым окном.

Отношение к шуму

Опыт жизни в Китае свидетельствует: китайцы иначе относятся к шуму. Кажется, здесь никого не удивляют ни ночные строительные работы, ни ночная же разгрузка товаров под окнами, ни ремонт дороги с применением пневмомолота — опять-таки ночью. Не говорю уже о таких пустяках, как ремонт с долбежкой стен или генеральная уборка с пылесосом, затеянные соседями с шести утра или после одиннадцати вечера...

То ли народа здесь больше, волей-неволей терпишь. То ли китайский новый год с его фейерверками приучил к грохоту. То ли язык интонационный заставляет громко говорить и привыкать к шуму. То ли какие-то невидимые штучки есть в ушах, беруши, которые остальным не даны.

— Я как-то вышел на лестничную площадку, — рассказывает китаист Игорь Кочергин. — Кто-то наверху ремонт делает в воскресенье. Грохот невообразимый, стук, скрежет. Вышла моя соседка мусор вынести. Я ей кричу, как тебе, шум не мешает? А она мне — какой шум?

Вы думаете, может, Игорь Кочергин что-то путает, или, может, думаете вы, он плохо говорит по-китайски и чего-то не понял? Смею вас заверить, Игорь говорит по-китайски лучше, чем вот мы с вами двое, вместе взятые. Или даже трое, если кто-то третий читает эту книжку, прижавшись к вам плечом к плечу. Квалификация Игоря Кочергина мне известна еще со времен нашей совместной языковой стажировки в Сингапуре. Он единственный из нашей компании, собранной из вузов Советского Союза, попал по итогам предварительных тестов в самую продвинутую учебную группу языкового центра Наньянского университета, стоящего в зеленом окружении тропических джунглей Джуронга — так называется тот район. Тогда уже он писал диссертацию по китайской филологии — пока мы с другими, менее ответственными (увы!), стажерами гоняли в футбол на первенство сингапурских вузов,

и неплохо гоняли, вот у меня еще где-то на антресолях статуэтка стоит за третье место, если не верите, могу показать, я в защите играл, в центре, третий номер...

Может, думаете вы, Игорь Кочергин особо нервный и чувствительный товарищ? Ха! Игорь Кочергин относится к тем людям, которые закалялись, как сталь — выдержанный, стойкий, терпеливый, а иначе не станешь кандидатом наук (трудовым — не поддельным, как многие сейчас), не составишь несколько китайско-русских словарей, в том числе медицинский и научно-технический, не напишешь учебники, не проработаешь много лет преподавателем китайского языка в Военном институте, а затем редактором агентства Синьхуа в Пекине, где, собственно, он и жил в пору, когда однажды поздним вечером его потревожил грохот ремонта.

Нет, дорогая моя читательница (читатель). Китайцы в самом деле шум воспринимают по-другому. Не так остро. Чему остается только завидовать.

— Да ладно, это смотря кто живет в доме, — сказал Сеня. — Наш хор как-то выступал в Ботаническом саду. Это на окраине Пекина. Вроде и жилых домов рядом нет. Выступали причем по приглашению дирекции. Но только начали петь, бежит директор, просит перебраться внутрь, в зал. Оказывается, там недалеко от сада жилые дома ответственных работников. Наше пение им помешало. Средь бела дня. А попробуй у них ремонт дороги ночью затеять — какой они скандал закатят, как думаешь? Или возьми микрорайоны, где сильные домовые комитеты. Тоже особо не пошумишь... Так что насчет того, что китайцы шум спокойно терпят — это смотря какие китайцы.

Верят ли китайцы в духов, или Улица призраков

Китайцы склонны прислушиваться к потустороннему миру. В Пекине есть квартал, получивший благодаря этому неофициальное название — улица Призраков.

Расположенная внутри второго дорожного кольца, считай, в центре города, она красочна ночью: с гирляндами круглых красных фонарей над тротуарами и дверями бесчисленных ресторанов по обеим сторонам, сияющая огнями вывесок, обещающих самых лучших раков, самые сочные шашлыки, самую настоящую пекинскую утку, самый острый «котел», *хо-го. Гуй-цзе / Guijie*, она же «Улица призраков», или «Улица дьяволов», или «Улица духов», тянется южнее российского посольства в Пекине, но называется так, скорее всего, не по этой причине.

А потому, что... И вот тут уже вариантов много. Начиная с легенд о привидениях, облюбовавших уютный квартал старого города, до весьма прозаического объяснения: *гуй* — это еще и название древнего сосуда. Можно было бы поверить этой, официальной версии, тем более что в начале улицы, у ее пересечения со Вторым кольцом, действительно установлен огромный бронзовый сосуд на ножках. Но дело в том, что такие сосуды называют *дин*.

Что касается духов, то здесь есть почва для размышлений. И достаточно основательная. Народ в их существовании, в общем, мало сомневается. К примеру, городским властям в 2009 году пришлось публично опровергать слухи о том, что в особняке, презентованном императорским двором сто лет назад англичанам под католический храм по адресу д. 81 по улице Чаоянмэнь нэйдацзе (она тянется параллельно Гуй-цзе), по ночам шалют призраки, о чем без устали талдычит народная молва.

Существует и более житейская версия происхождения пугающего названия. Во времена Цинской империи на этой улице открылось множество магазинов, торгующих гробами. Доски для них привозили обычно в сумерках или ночью, в сопровождении масляных фонарей. Вереницы мерцающих огней пугали впечатлительных столичных жителей, и без того верящих в существование загробного мира...

Духи они духи и есть. Пугают и притягивают. Что уж говорить про Улицу призраков?! Поздним вечером здесь не протолкнешься в толпах, осаждающих рестораны. Осенью на ней проводится кулинарный фестиваль «пряно-острых раков», *ма-ла сяо-лун-ся* / *mala xiaolongxia*. Настолько перченых-переперченых, что начисто отсутствует вкус рачьего мяса, и к тому же, прошу извинить, но что есть, то есть, — переваренных, дрябловатых, безнадежно тонущих в темно-коричневом месиве жгучего бульона. «Под пиво, под луну, под свет красных фонарей и народный шум полакомиться раками — что может быть лучше?» — спросит кто-то. Сразу отвечу — посмаковать сваренных по-нашему ярко-красных панцирных красавцев, сочных, ароматных, где-нибудь в Москве, в Парке Горького (хотя вряд ли они там найдутся), или на ВВЦ-ВДНХ (тоже под вопросом), или в Ростове-на-Дону, или же в украинских степях, на берегу реки Берды (с отцом ловили в ней бреднем раков, загребая их вместе с шустрыми сазанчиками, пугаясь ужей, когда отдыхали летом всей семьей в деревне Новопетровка у ласкового Азовского моря, а варила их хозяйка дома, где мы жили, в большом чугунном котле с укропчиком, чесночком и прочими травками и корешками, по сто штук за раз, на всю честную компанию детей и взрослых, отдыхающих и местных...), или еще где-то... напомните мне, пожалуйста, отдельными письмами.

Кстати, официальное название улицы звучит так: *Дунчжимэнь нэй-дацзе / Dongzhimen neidajie* (Внутренний проспект Прямых восточных ворот). Оно может вам пригодиться: некоторые рестораны там работают круглосуточно и выручают, если вы захотите устроить полночную трапезу или накормить припозднившихся гостей. Тогда у вас появится возможность встретить пекинский рассвет по-пекински. Может, и призраки будут наблюдаться... хотя лучше все-таки без них, своей компанией.

Ябаолу, или Наши в городе

«Здесь продаёт елки. Игрушки для ёлков с лезками. Елки с лезками и изделие лезок. Добро пожаловать!» — Эта в прямом смысле русскоязычная надпись на двери магазинчика в окрестностях «русской» улицы Ябаолу в Пекине навсегда смутила мой покой.

Что такое лезки? Как их (лезки, лёзки) прикрепить к елке? Будут ли они, в конце концов, если их все-таки прикрепляют к елке, держаться на ней, и держаться крепко, чтобы не разбиться — если эти лезки хрупкие — и не поранить детей? Такие тревожные мысли будили автора в обеденный перерыв, заставляли курить у окна бессонными пекинскими ночами. Хотя я же не курю? Неважно. Наконец, не выдержав, я набрался храбрости, пошел прямо к хозяину магазина и спросил:

— Слушай, а что такое лезки?

— Где? Ты про что это? — спросил тот на чистом китайском языке с хунаньским оттенком (это когда тоны совершенно другие, нежели в образцовом китайском). К сожалению, по-русски он не говорил, хотя на Ябаолу почти во всех магазинах продавцы могут сказать пару слов на великом и могучем.

— Вот, на вывеске?

— А что там написано?

— Написано — продаются елки... И еще продаются... — Автор запнулся. Как передать по-китайски слово, смысл которого темен? — И еще что-то продается. А что?

— В самом деле? — заинтересовался торговец.

— Да, так написано.

— ..? — пожатие плечами.

— Ну, что здесь, кроме елок продается?

— Вот, все продается, — торговец обвел руками блестящие гирлянды, наборы шаров, огоньки, игрушки.

— А это? — Автор беспомощно ткнул рукой в «лезки» на вывеске.

Продавец снова пожал плечами:

— Это не я писал. Не знаю...

Так я и не раскрыл эту тайну, одну из многих загадок Ябаолу. Пусть ее раскроют другие исследователи, молодые, пытливые и неутомимые. Вот они стоят у дверей склада, энергичные, предприимчивые, говорящие по-китайски, чувствующие себя своими в Поднебесной.

Здесь встречаются представители всех наций и республик бывшего Советского Союза. Для китайцев они все — русские. Удивительно, как много среди торговых женщин особ предпенсионного и даже пенсионного возраста. Им бы с внуками сидеть. Зачем они здесь надрываются, тюки ворочают и пьют водку с партнерами? Что-то не так с нашей пенсионной системой.

— Бабки всем нужны. Даже бабкам. В смысле старушкам. Ты скажи лучше, почему улица знаменитая! А то тайны, тайны! — Сеня прикурил у проходящего мимо вислоусого парня в майке с пандой, шортах и резиновых шлепанцах, с пузатым черным пластиковым мешком. В таких продают дешевую розницу. — Какие, к лешему, на Ябаолу тайны? Приехал, купил, отправил. И все дела.

В самом деле, Ябаолу — знаменитый квартал. Он находится в одном из лучших районов Пекина, где много посольств, недалеко от парка Житань. Пожалуй, из всех рынков только он один удостоился такой чести — иметь национальность. Раньше, впрочем, звался польским, а до этого венгерским. Но пришла горбачевская свобода выезда из Союза, началось паломничество оптовиков со всех концов бывшей советской империи. Здесь склады и транспортные фирмы, здесь магазины и магазинчики (торговые моллы по-нашему), здесь гостиницы и гостинички, ночные клубы и бары, забегаловки и рестораны — отдохновение постсоветской души — здесь всё наше! Ябаолу — это наше всё. Ну, как Пушкин для русской культуры. И не знаешь уже, то ли радоваться этому, то ли глаза отводить. Тем более что, несмотря на Пушкина, русского книжного магазина здесь так и не образовалось, хотя у англоговорящих есть всякие рассеянные по городу «Bookworm» («Книжный червь») и прочие культурные очаги. Но: — «Не будем об этом!» — как говаривал давний сельский знакомый Михал Степаныч, когда разговор затрагивал что-то неприятное.

Как-то я прилетел в Пекин с делегацией издательства «Художественная литература», где трудился под началом замечательного китаиста, поэта и переводчика Геннадия Борисовича Ярославцева над изданием серии «Библиотека китайской литературы». Начало 90-х. После поездки на юг к коллегам из крупного Чжэцзянского издательства, после полезных и высоких встреч китайских и российских литераторов, где много говорилось о духовном, наша делегация в прекрасном

расположении вот как раз этого самого духа на пути домой остановилась в гостинице «Житань», на западной стороне одноименного парка, — провести ночь перед вылетом. Я помнил гостиницу, построенную в середине 80-х, как очень приличное заведение с хорошим обслуживанием, и пришел в тихий ужас от увиденного.

Гостиница напоминала хутор, занятый сумрачно-веселой бандой батьки Махно: по коридорам ходили, покачиваясь и ища романтических встреч и поединков могучие люди с золотыми цепями, в сопровождении обильных телом подруг, вся мебель и сантехника просто вопили: «За что же нас так!»: прожженные ковры, дырявые покрывала, сорванные краны, разбитый кафель, обколотые унитазы... От дверных ручек остались одни золоченые штырьки.

Персонал гостиницы, очевидно, уже перестал бороться за выживание в условиях вторгшейся дикой среды, и на столе в номере я обнаружил трогательно откровенное, граничащее с отчаянием послание на русском языке, смысл которого сводился к тому, что администрация, увы, не отвечает за сохранность ценностей, личных вещей и всего остального (очевидно, имелись в виду здоровье и жизнь постояльцев). Внизу крупно был напечатан телефон местного полицейского участка.

Стыдно было мне тогда за своих, причем неважно, откуда они, из каких концов большой страны. Муторно как-то. Да и страшновато. За себя и за драгоценный багаж: на магазинно-пустополочной Родине семья ждет отца-мужа-сына «Деда мороза» с чемоданом бесценного барахла, купленного на бешеные по российским меркам командировочные (долларов 5 в день!). Тут, вдали от России, среди пагод и хурм, пострадать от российских же рук? Стоило ли ехать так далеко? Родного Ясенева не хватало? Или не менее родного Лефортова? Сразу забылись беседы о высоком и живописные пейзажи. На смену пришли осторожность и хмурая осмотрительность московских дворов и подворотен. Захотелось бежать куда глаза глядят. Но предстояла ночь. Автор сразу попросил главу делегации, элегантную и отважную даму, снять все украшения, запереться в номере, открывать только на условный стук, а лучше всего и на него не открывать и не выходить никуда до утра. И уж ни в коем случае не делать замечаний шумным соседям. Нам бы ночь пролежать...

Кое-как дотерпев до рассвета под звуки русских народных песен, включая самую что ни на есть народную «Путану» в проникновенном исполнении автора, О. Газманова, весьма уместную в сочетании со звонками в номер с предложениями сделать «массаж», ранним утром наша делегация выскользнула из отеля, и, перекрестившись, помчалась в аэропорт. (Потом, спустя годы, эту гостиницу снесли, построили на ее месте новую, сохранив название — «Житань биньгуань» / «Ritan

binguan». Ее достопримечательностью стал «арт-ресторан» «Дача», в духе подмосковной Рублевки.)

Публика на Ябаолу с тех пор поселилась. Но общий вольный дух низового кооперирования русских и китайских торговцев по-прежнему силен. Особенно он чувствуется в районе, который можно назвать условно — «У Сени». Потому как здесь есть ресторан «Сеня», магазин «Сеня» и даже аптека «Сеня». А хозяин всего этого счастья не наш друг Сеня, а китаец, который начал бизнес на Ябаолу в 90-е годы. Фамилия его напоминает русское имя Сеня. Произносится легко. Авторитетный товарищ. Мне он не раз признавался в любви к русским. Еще бы. В России наш босс ни разу не был. Но зато хорошо знает вкусы русских гостей. Благо они не самые взыскательные. Селедка под шубой, салаты с майонезом, маринованные огурцы, шпроты в банках, бесплатная водка в бизнес-ланч, что еще нужно, чтобы заглушить тоску по родине?

— Да ладно тебе, — сказал, поморщившись, Сеня. Наш Сеня. — Отстой все эти русские рестораны и магазины. Они только сначала неплохие, как откроются. А потом начинается... С кем поведешься, как говорится. Наберутся у наших торгашей «культурки», и пошло, обсчет, обвес, хамство, официанта не докричишься. Водка сплошь паленая. Если недосмотришь, наутро башка разламывается.

Кстати, с китайского Ябаолу переводится как «Улица Изысканных драгоценностей».

Надо ли тщательнѐй, или Про «языковой шовинизм»

Прогулка по Ябаолу позабавит любителя русской словесности. Многочисленные «оли», «сени», «наташи», «карго-склады» чередуются с истинными шедеврами, такими, как, например, «Спецмагазин Сурка и Норки» (продажа шуб). Недостаток русских шрифтов в компьютерах и надлежащего тщания порождает шикарное буквосмешение, вроде «меховое сбѣріѐ» или «огежгн цз лучщцх» (кривописание оригинала сохранено). А какое удовольствие доставляют китайско-одесско-русско-angliiskie призывы: «НАМ МНОГО ЕСТЬ! Обувь — Shoes — Пакед — Bag. suitcase — Пушника — Qift — Игрушка — Toy — Оберт — Hardware — Чай и чайные вещи — Tea и т. д.»!

— Мне нравилась надпись возле ресторана «Москва», — сказал Сеня. — Там как-то воткнули в газончик плакат: «Тайно менять валюту — нарушить закон. Будь осторожен, как бы не остаться дураком».

Сменяются времена, лавки вытесняются торговыми центрами, а кривой русский язык Ябаолу по-прежнему живет и побеждает. Разве

можно не оценить по достоинству надпись, которая украшала забор строящегося комплекса «Ябаолу-центр»:

Богатство накопить
Симвал багаства
Комерческая зона Ябаолуй —
Пятизвездый международный очаг
Денги получить лехче
А ценный место труднее.

Фантазия проявляется в названиях самопальных торговых марок. Не будем останавливаться на тривиальных *Russi* или каких-то *Vabbano* с *Amani*. В новеньком «Ябаолу-центре» я встретил лучшее за долгое время наименование: «*Molared Mumagen*». В чью светлую голову пришли эти два слова? Какие книги читал творец? Что его вдохновило? Какие образы рождались в сознании автора? Думаю, великий выдумщик Жюль Верн с удовольствием дал бы такое имя одному из своих героев. Эти чеканные слова могли бы стать первой строкой стихотворения...

Михаил Жванецкий призывал: «Тщательней надо, ребята!» С ударением на второе «е». Он обращался к людям, которые не всегда добросовестно делают свою работу.

Мой коллега, бизнесмен с армейским прошлым, дотошный и придирчивый, которого в своей компании раздражает клочок бумажки на полу в коридоре, сказал как-то: «Посмотришь, все вроде отлично, а приглядишься: хоть немного, а недоделано». Мы стояли в холле нового офисного здания в Пекине, блистающем чистотой, с фонтаном, мраморными колоннами. «Вот пример! — Коллега подошел к колонне. — Швы заделаны небрежно, цемент налип, ну, куда это годится!»

А вот годится! Возможно, срабатывает принцип — сойдет и так. Зачем делать лучше? Зачем прикладывать лишние усилия? Главное, поскорее и подешевле. В Китае строят быстро, но качество страдает. Как и качество проектирования. Один западный архитектор, много лет работающий в стране, заметил, что как раз поэтому в новеньких зданиях образовывается куча углов, которые не нужны, а протекающие крыши и потоки воды в холле после сильных дождей никого не удивляют.

Это же относится к надписям на иностранных языках. Любой экспат (по-нашему — иностранец, живущий, долго ли, коротко ли, в чужеземье) может привести забавные примеры на *Chinglish*. Мне запомнилась табличка на одном из центральных павильонов в Запретном городе: «*Do not fall down*», «Не падайте». Хотя ниже по-китайски вполне вменяемо значилось: «Осторожно, скользкие ступеньки». Притчей во язы-

цех стал указатель у Парка национальностей в столице: «Racist park», «Расистский парк».

Не устаю удивляться, что можно потратить большие деньги на изготовление, установку надписей — и пожалеть три минуты на проверку перевода. На крыше здания возле дома, где я живу в Пекине, много лет светится огромное табло: «Дорговый центр Дунфан». Добрый человек в оправдание неряшливости может придумать такое объяснение: китайцы пишут иероглифами. Возможно, надписи на латинице или кириллице они воспринимают как рисунок, картинку. Можно нарисовать иероглиф в целом правильно, но какую-то черту не довести, не прорисовать — чур, ошибкой не считается!

Критично настроенный субъект заявит ни много ни мало — о языковом шовинизме. Мол, китайцы не признают никакие другие языки, кроме своего. Ну, шовинизм... Признают они чужие языки, признают. Но не так уж преклоняются, чтобы проверять каждую букву.

— Да все это ерунда! Тщательней, не тщательней... Китайцы уже машины делают нормальные, те же смартфоны. А мы? Чья бы корова мычала... — сказал Сеня. Они с Мудрецом Суном сидели в беседке на берегу пруда в парке Житань и потягивали из фляжки собственноручно изготовленную «гингкобиловку». Каждый сентябрь они собирали в парке шарики гингко билобы, снимали кожицу и настаивали на водке. Сеня убеждал Мудреца Суна, что настойка на плодах «вечного дерева» продлевает дни. Тот не возражал: горьковатая «биловка» грела кровь. — Да и насчет этих надписей. Что здесь, библиотека? Сегодня одна надпись, завтра другая... Чего зря говорить, нудить — ошибки, ошибки?

— Ну, почему не поговорить, — сказал Старина Сун. — Надо же о чем-то говорить. Об этом даже приятно говорить, потому что чувствуешь...

— А не нравится, как написано — учи китайский, — перебил Сеня. — В нем ошибок точно не найдешь.

— Ты, может, и не найдешь... — сказал Мудрец Сун.

Советы начинающим китаеведам: Если хотите походить на пекинца

Это проще простого (будущим шпионам на заметку). Мужчине надо в летнюю жару выйти на улицу в белой майке, закатанной до груди и превращенной в узкий лиф, или топ. Брючины тоже надо закатать до колен. Китайские интеллигенты-очкарики критикуют народную манеру свободной полурасдетости. Но что с них взять? Говорят, раньше мужики в столице вообще ходили

голопузые, то есть в одних брюках-шортах-джинсах-портках. Впрочем, и теперь нередко встречаются, в летнюю жару. Между прочим, в эту парилку даже женщины становятся более раскованными и, сидючи, подбирают юбку выше колен. Приятно, когда это делают молодые и красивые женщины.

Реквием по старому Шелковому рынку

Иностранцы называют его «Шелковый». По-китайски — «Рынок Прелестных вод», *Сю-шуй ши-чан / Xiushui shichang*, потому что находится на одноименной улице. Этот базар под открытым небом стал за четверть века своего существования такой же достопримечательностью, как Великая стена или императорский Запретный город. Приехать в Пекин и не отметить на Шелковом значило совершить трагическую ошибку. Все мировые путеводители числили его местом назначения номер один.

— Прилетел как-то мой партнер, итальянец, вместе с женой, она в первый раз оказалась в Китае, — сказал Сеня. — В тот же день вечером в офисе подошел и спрашивает, как пройти к американскому посольству. Я объяснил, а сам думаю, чего это они вдруг на ночь глядя в американское посольство наладились. Потом, когда поближе познакомились, я его спросил. Оказывается, они на Шелковый шли, а как называется, не знали. Знали только, что рядом с посольством.

Почему рынок звался Шелковым, непонятно. Ничего особенного шелкового там не было. Яркая, колоритнейшая, веселая барахолка под синим небом, на которой «фейков», подделок, приходилось на квадратный метр больше, чем где-либо в Китае, а возможно, и в мире. Владельцы знаменитых марок, должно быть, плакали, бывая на этом рынке. Может, от расстройства, а может, от радости: promotion, однако.

Рынок представлял собой длинную «кишку» — узкий пятисотметровый проход между лавками. Южный конец упирался в главный проспект столицы. С западной стороны нависали стены американского посольства. Доставалось же этим несчастным посольским работникам, окна которых глядели на рынок! Думаю, туда селили «двоечников», отстающих участников дипломатического процесса.

Зато всем остальным иностранцам рынок доставлял огромное удовольствие. Здесь продавались самые модные вещи по самым низким ценам. Все мировые одежные марки. Кашемир. Сумки. Часы. Очки. Аксессуары. Louis Vuitton, Chanel, Prada, Givenchy, Fendi... Все цвета. Все фасоны. Качество — замечательное. Цены? Ну, к примеру, оригинал куртки стоит 300 долларов. Здесь — 30. Раздолье даже для тех, кто

не любит ходить по магазинам. Все под открытым воздухом. Торг обязателен, как и на всех китайский рынках. Замечу, кстати, что он уместен и в магазинах. Даже в лучших спрашивайте про скидку, можете сберечь от 3 до 25 процентов.

— Мой босс сначала не признавал Шелковый, не хотел туда идти, — сказал Сеня. — Зазорно как-то. Он привык покупать в фирменных магазинах, в Европе там, в Америке. А потом раз как-то зашел — и с тех пор за уши не оттащишь, как приезжал в Пекин, сразу туда. Жене и дочкам сумочки, себе часы или еще что. И любил повторять: «Ведь никто, зная меня, не поверит, что я ношу дешевые вещи, верно?»

Закрывая этот очаг вольной торговли под открытым небом, власти объясняли, что делают это из соображений пожарной безопасности. И предложили торговцам перебираться в строящийся рядом торговый комплекс. Под тем же названием. Продали на аукционе торговые отсеки в этом комплексе. За один из них, стандартной площадью 6 квадратных метров, заплатили 500 тысяч долларов! Рынок этот стоит, работает. Но...

Но утрата старого стала потерей. Крытых базаров в столице и так предостаточно. Взять хотя бы рынок Красный мост, *Хун-цяо / Hongqiao* возле Храма неба. Или же *Я-сю / Yaxiu*, который иностранцы произносят еще как *Я-шо / Yashow*, что западнее барной улицы Саньлитунь. Или тот же русский Ябаолу, где их целая куча. Много этажей, торговые отсеки, духота, теснота. Нет того очарования, нет синего неба над головой, воздуха, простора... Что же — скажем только: «Спасибо, что был!»

Острова мебельных сокровищ

Мебель слово какое-то сухое, невыразительное. Оно годится скорее для румынских «стенок» 70-х годов прошлого века. А сделанные китайскими мастерами деревянные вещи для дома — это произведения искусства. В этой книге я то и дело повторяю: это произведение искусства. И это. И то. А что делать? Так оно и есть.

Стоит вам оказаться где-то на окраине Пекина, в полутемной лавчонке или в лабиринтах огромного помещения, заставленного этими произведениями искусства, и вы меня поймете. На вас обрушивается такая лавина форм, совершенно непривычных, углов и овалов, плоскостей и линий, гнутых ножек и спинок, лакированных створок, расписных сундуков, резных ширм и чайных столиков, ароматов — розового дерева, камфорного дерева, красного сандала, ореха и Бог весть еще каких... что вы совершенно теряетесь. У некоторых чувствительных натур сердце сбивается с ритма, начинает кружиться голова и прихватывает живот,

как перед экзаменами. Единственный способ сохранить спокойствие — быстренько купить какую-то мелочь, уйти, переварить увиденное, потом вернуться уже с холодной головой и ударить по-крупному.

Среди старины преобладают два основных стиля: эпох Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911). Более ранняя Юаньская эпоха — такая редкость, что я ее попросту исключаю. На мебельном рынке преобладают копии, исполненные с высоким мастерством. Отличить минский и цинский стили нетрудно: минский характерен простотой и лаконичностью форм. Его предпочитают рационалисты, реалисты, практики. Столы и стулья, кровати и этажерки не имеют «украшалочек», излишеств и вычурной резьбы. Дерево само говорит о себе, его кольца, жилки-прожилки сами являются рисунком, так считали при Минах. Цвет преимущественно светло-коричневый, материал — орех.

Но прошло время, воины-кочевники — маньчжуры, овладев Китаем, свергнув Мин и основав династию Цин, решили, что хватит, натерпелись походного быта в горных лесах и бескрайних степях — даешь роскошь! Мебель стали украшать тяжелой и обильной резьбой, с кружевами, завитушками и всяческими «подробностями», можно сказать, в стиле барокко. Цвет предпочитали более торжественный, «важный», темно-коричневый или черный. Дерево выбирали тяжелое, ценных твердых пород. Трон или обычное кресло из него стоит прочно, с места одной рукой не сдвинешь. На то и трон, чтобы не стронуть.

Конечно, настоящее кресло или этажерку эпохи Мин вы на рынке не купите. Им место в музее. А вот стол или кресло середины или конца эпохи Цин еще можно отыскать. Любопытно, что иногда разница в цене между стариной и «новоделом» совсем невелика. Реалисты скажут: «Вот и правильно! Разве дело в том, сколько лет этому стулу, а не в том, искусно он сделан или не очень? Главное, чтобы было красиво и нравилось вам!» Китайцы славятся умением копировать, и мастера могут воспроизвести практически любой образец. Вам покажут каталог «мебели из императорского дворца» и при вашем желании сделают не хуже. Естественно, если у мастера есть опыт и талант.

В любом случае выбор огромен. А что касается цены, то ее определяет в первую очередь материал. Наивысшую имеют вещи из твердых ценных пород. Это красное сандаловое дерево, «желтое розовое» дерево — солнечного, янтарного цвета, с выразительной текстурой — красивым естественным рисунком, твердое, звонкое и источающее в тепле приятный аромат, схожий с традиционными благовониями, эбеновое дерево, а также железное. Подешевле орех и дуб, еще дешевле вяз и кипарис. Важно, чтобы дерево было хорошо просушено, значит, ему должно быть как минимум несколько десятков лет, для гарантии. Если

вам сделают мебель из свежего, даже ценных пород, которое доставляется или с юга Китая, или из-за южной же границы, того же Таиланда или Лаоса, или Вьетнама, то неизбежны трещины. Как-то мы подарили партнеру комплект мебели из *хуан-хуа-ли*, ароматного розового дерева, растущего в провинции Гуандун и на острове Хайнань, к сожалению, древесина оказалась плохо просушенной, в столешнице образовались трещины. Впрочем, это дело поправимое.

— Тут я смотрел фильм, документальный, для любителей антиквариата, про то, как один мужик охотился за этим вот розовым деревом, *хуан-хуа-ли*, — сказал Сеня, пробираясь в деревянных джунглях на складе своей давней знакомой Лили Цюань, держащей самый крупный магазин в мебельном поселке Гао-бэй-дянь. Со Стариной Суном они хотели купить консоль — длинный узкий приставной столик, чтобы разместить свою коллекцию мелкого фарфора. — Это было еще в начале нулевых, он забирался в дальние деревни на острове Хайнань, куда проехать было трудно, и покупал за бесценок бревна, доски, столбы из *хуан-хуа-ли*, куски ограды, палки всякие. Да ведь разбираться же надо в дереве, поди отыщи среди старых досок — драгоценную. А потом у себя в Гуанчжоу делал мебель, а еще всякие поделки, вроде подставок для кистей. Покупал, допустим, за 100 юаней, а продавал уже за 10 тысяч. Потом цены выросли. Крестьяне-то хоть и на острове, а не дураки, видят, что старого розового дерева больше нет, запасы кончились, а живые деревья под запретом, и стали цену ломить. Но этот парень тоже не промах, принялся покупать целые деревянные дома на снос, уже за сотни тысяч и миллионы юаней. Но и зарабатывал уже миллионами и десятками миллионов. Пока старые дома не кончились.

Хуан-хуа-ли всегда ценилось в Поднебесной. Мне рассказывали знатоки, что в эпоху Цин гарнитур из него — кровать, чайный столик с креслами, стол и набор стульев — можно было обменять на одноэтажный особняк с боковыми флигелями, *сыхэюань*.

Поиск редкостей доставляет огромное удовольствие. В Пекине несколько мест охоты. Самое доступное — блошинный рынок *Паньцзяюань* / *Panjiauyan*. Но гораздо больше выбор в пригородном поселке *Гао-бэй-дянь* / *Gaobeidian* в нескольких километрах восточнее третьего кольца. Туда свозят антикварную мебель со всей страны. Деревня превратилась в городок мебельных магазинов и складов. Главная улица тянется на километр, в окрестных кварталах выросли новые магазины с современными демонстрационными залами; на каждом шагу, за каждым поворотом в лабиринтах сокровищ вас может ожидать сюрприз. Правда, новые магазины строятся, а товара для них все меньше и меньше: за нулевое десятилетие запасы антика заметно истощились,

цены выросли в разы, потому что уже не только иностранцы, но и сами китайцы, разбогатев, принялись активно его скупать.

Любителям антиквариата: из какого дерева?

Из чего сделана мебель, из какого дерева? Не зная этого, невозможно ориентироваться в китайском мебельном рынке.

Возьмем, к примеру, *хуан-хуа-ли* и просто *хуа-ли*. Невелика вроде бы разница в названии. Но первое — это ценнейший сорт розового дерева, а второе — палисандр, тоже благородной твердой породы, с красивой текстурой, похожий на *хуан-хуа-ли*, но более распространенный и стоимостью в десятки раз меньше.

Для любителей предлагаю краткую таблицу названий в латинизированной китайской транскрипции:

huang hua li	— хуан-хуа-ли, желтое розовое дерево
hua li	— хуа-ли, дальбергия хайнаньская (<i>Dalbergia hainanensis</i>), один из видов палисандров
zi tan	— цзы-тань, красное сандаловое дерево (<i>Pterocarpus santalinus</i>)
ji chi	— цзи-чи, «куриное крыло», (разновидность красного дерева), <i>Millettia leucantha (lauretii)</i>
tie li	— те-ли, железное дерево
hong mu	— хун-му, красное дерево
zi shan	— цзы-шань, тисс дальневосточный (остроконечный), розовое дерево
ying mu	— ин-му, вишня
hua mu	— хуа-му, береза
zao mu	— цзао-му, китайский финик, жужуб(а), унаби
li mu	— ли-му, груша
huai mu	— хуай-му, софора японская
bai mu	— бай-му, кипарис
he tao	— хэ-тао, орех
zi yu	— цзы-юй, красный вяз
yu mu	— юй-му, вяз
song mu	— сун-му, сосна
huang yang mu	— хуан-ян му, самшит
yang mu	— ян-му, тополь
liu mu	— лю-му, ива
nan mu	— нань-му (<i>Phoebe nanmu</i>), розовое дерево семейства лавровых
sha mu	— ша-му, китайская ель, куннингамия ланцетная, или ланцето-видная
yun shan	— юнь-шань, ель шероховатая (<i>Picea asperata</i>)
zhang mu	— чжан-му, камфорное дерево

zuo mu — цзо-му, дуб
 sang mu — сан-му, тутовое дерево
 tan mu — тань-му, сандаловое дерево
 shuiqu liu — шуи-цюй лю, ясень маньчжурский
 luo ye song — ло-е-сун, лиственница
 cui bai — цуй-бай, калоцедрус крупночешуйчатый (китайский) — *Calocedrus macrolepis*, хвойное дерево семейства кипарисовых
 yuan bai — юань-бай, арча китайская, можжевельник тайваньский
 wu mu — у-му, черное (эбеновое) дерево
 hong suan zhi — хун-суань-чжи, красное розовое дерево
 xue song — сюэ-сун, кедр
 hong song — хун-сун, кедр маньчжурский
 you mu — ю-му, тик (*Tectona grandis*)

Китайский жемчуг.

Как отличить настоящий от поддельного

Китай славится недорогим пресноводным жемчугом. Его выращивают в районе Чжуцзи в провинции Чжэцзян на юго-востоке Китая. Если ехать на поезде или по шоссе, по сторонам тянутся пруды и озера с островками пластмассовых бутылок-поплавков, к которым привязаны находящиеся на дне корзины с раковинами-жемчужницами. В разведении жемчуга, как и вообще в выращивании чего-либо, китайским мастерам равных мало. Чжуцзи стал самой большой базой производства пресноводного жемчуга в мире.

Как отличить настоящий от поддельного, к примеру, на знаменитом Жемчужном рынке, он же — *Красный мост, Хун-цяо / Hongqiao*, в Пекине, что возле Храма Неба? Первые два этажа там заняты недорогой одеждой, обувью, часами, электроникой, а на третьем и четвертом продают жемчуг, яшму, полудрагоценные камни, ювелирку. Еще одно здание с таким товаром стоит сразу за Жемчужным рынком.

Конечно, лучше идти туда «по наводке» пекинских старожилов, к надежным продавцам, но если таковых среди ваших знакомых не найдется, следуйте простым правилам. Обратите внимание на форму жемчужин.

Пресноводный жемчуг, природный или же выращенный искусственно, состоит из карбоната кальция, который образует вокруг центра неправильные концентрические круги. Когда предлагаемый вам жемчуг имеет чересчур идеальную форму — насторожитесь.

Та же естественность поможет отличить жемчуг, к примеру, от бисера: если потереть жемчужины одну о другую, вы должны почувствовать шероховатость, безусловно гладкая поверхность выдает подделку. Для особо недоверчивых и небрезгливых подойдет и такой метод:

потрите жемчужину о зубы (по их нижней части): чувствуете шероховатость (не зубов — жемчуга)? Значит, вас не обманывают. В общем, как часто бывает в жизни, идеальность служит признаком фальши. Если бережете зубы, поскоблите жемчужинку ножом — на настоящей следов не останется.

Китайские церемонии: фантазии и реальность

Вот вы наверное думаете, что в Китае все ходят в шелковых халатах, обмахиваются веерами, кланяются, пьют чай и церемонничают на каждом шагу, стараясь не отдавить лапы вертящимся у ног благородно-уродливым пекинесам. А вот и нет. Наверное, вы давно не были в Китае!

В халатах, конечно, ходят. В домашних, какие и у вас висят в шкафу или на спинке стула, а может, и на вас. Ну, на вас, конечно, халат не висит, вы в него облачены.

Веерами обмахиваются, это верно. Но в основном бабуся или пожилые дамы. Или старички.

Чай пьют. Это верно. Но чаще всего не из красивых чашек с узорами, а из пластиковых банок с закручивающейся крышкой, из термоса. А так больше в ходу минералка и легкие напитки.

Но как же тогда быть с китайскими церемониями, спросите вы? С поклонами, приветствиями, правилами поведения? Ведь еще Конфуций считал этикет *ли* главным инструментом, упорядочивающим жизнь.

Раскрою тайну: правила есть. Но только в том случае, если вы гость. Если вас ждут. Если вы участник мероприятия, event'а по-нашему. А так, в обыденной жизни, на улице, в метро там или автобусе, или где угодно еще, китайцы не церемонятся. Например, при посадке в поезд. При езде в поезде. При стоянии в любой очереди. При пересечении улиц. В больнице, театре, кинотеатре или на стадионе, в любом общественном месте.

И что же, церемоний не осталось? Не спешите вешать нос. Они есть. В отдельных, но важных моментах жизни. Например, при общении. Но общении определенного типа. Поскольку большая часть контактов в Китае проходит за накрытым столом, то и относятся эти церемонии прежде всего к правилам поведения за трапезой.

В эпоху Сун (960–1279) дворцовый обеденный этикет, утвержденный высочайшими вердиктами, насчитывал сотни правил. Если, к примеру, знаменитый трактат Сунь-цзы «Искусство войны» (замечу, одна из самых читаемых в мире книг!) состоит из 5 тысяч иероглифов, то императорский «едальный этикет» содержал 10 тысяч знаков. Предписывалось все: как одеваться, в каком порядке рассаживаться, как расставлять блюда, как вкушать яства.

Некоторые правила сохранились до сих пор. Полагается вначале угостить чаем в специальной комнате, если таковая имеется. После этого приглашенные направляются в обеденный зал. Если нет отдельной комнаты, то чай пьют тут же, за отдельным низким столиком, заодно дожидаясь припозднившихся гостей. В ресторане, к примеру, или если вам повезло настолько сблизиться с китайцами, что вас пригласили домой (редкий-редкий случай!), вам сначала тоже предложат чай.

Сохранился и порядок мест за столом. Главного гостя усаживают лицом к двери. Иногда второго по рангу усаживают напротив, иногда — справа или слева от главного...

— Да ладно тебе! — перебил Сеня. Мы обедали с нашими друзьями в ресторане, которым владел угольный барон, миллионер из провинции Шаньси. Прикупил по случаю. Шеф-повар здесь был француз. В гранитном бассейне плавали золотые карпы. Сеня ждал любимое блюдо: соленую рыбку, отваренную так хитро, что ее кусочки были сочными, плотной консистенции и очень вкусными. — Сейчас все сбилось. Летом все рассаживаются, чтобы под кондиционер не попасть и в спину не дуло... Где удобнее, там и садятся. Хотя, конечно, все следят, кто где сидит. Полчаса у стола топчутся, ждут, пока главный не сядет, потом остальные... А разве у тебя дома гость сидит не на самом лучшем месте?

Первым к блюдам прикасается тоже VIP-персона. Пока не тронет палочками еду, все терпеливо ждут. Естественно, младшие ухаживают за старшими, подливают напитки. Так же и заканчивают есть, ожидая, пока насытится главный.

Однажды, в ту же Сунскую эпоху, некий чиновник на императорском обеде положил палочки на стол, показывая, что наелся. Этикет запрещал заканчивать трапезу прежде императора. За допущенную ошибку чиновника сослали на дальнюю пограничную заставу. Пообедал с императором, называется...

— Опять-таки, зачем людей напрягать? Вот прочитают и будут думать, как бы случайно не сесть куда не надо и палочку куда не надо не воткнуть, — сказал Сеня. — Брось! Нам, иностранцам, китайцы прощают, если что не так. Чего с нас взять?

Это верно, конечно, нам прощается многое. Но вместе с тем всегда в цене воспитанность, соблюдение правил. Не спешите, смотрите, что делают ваши соседи по столу, повторяйте за ними, не ошибетесь.

Никто не любит уступать

В Китае не любят уступать дорогу. В Пекине, в другом городе, когда идешь по тротуару, а они как правило узкие (пеших здесь не жалуют),

народ идет прямо на тебя, словно на таран, лоб в лоб. И только в последний момент встречные... нет, не делают шаг вправо или влево — нехотя поворачивают корпус, чтобы не задеть или не быть задетым. Но именно в последний момент! Чтобы заранее, за несколько метров предупредительно изменить направление, сдвинуться в сторону — ни-ни!

То же относится к водителям. Вот встали автомобили нос к носу, кому-то надо сдавать назад. Не тут-то было. Так и будут стоять. Пока под давлением подпирающих сзади и сбоку машин водитель поразумнее не тронет неохотно назад. «Разводкой» обычно занимается кто-то третий, со стороны, водитель или доброхот-пешеход. Именно он (она) убеждает кого-то уступить. Уступают неохотно, делая одолжение. Иначе ведь лицо теряешь...

— Да это по всей Азии ведется, — вступил в разговор Сеня. — Мне дружок рассказывал, он учился в Сингапуре лет тридцать назад. Там тоже большинство китайцы. Идут они как-то со старшим по группе, выдавшим виды товарищем из понятно какой системы, вдоль дороги в центре. Там ремонт какой-то, по грязи проложена дорожка в две доски. Старшой шел впереди и то и дело сходил с этой дорожки, а за ним и мой приятель с другими студентами. Что такое? А никто из встречных дорогу не уступал и шел прямо на них. Когда это до него дошло, старшой разозлился, сбросил задумчивость и попер грудью вперед. Теперь уже встречные стали слетать с дорожки. Деликатно, без конфликтов.

Кстати, еще одно примечание: когда переходите улицу, то 99 процентов велосипедистов, едущих справа, да и слева тоже, постараются проехать перед вами, ни в коем случае не сзади. Не пропустят то есть. Я себя утешаю: наверное, таким образом велосипедист сохраняет мою безопасность, ведь сзади у меня глаз нет — а вдруг я захочу отпрянуть, шагнуть назад? Вот «циклист» и бережет меня, со свистом проносясь перед носом. Один раз вообще было смешно. Пожилой человек, старичок, можно сказать, он даже не ехал, а вел перед собой велосипед и в проход между вставшими машинами передо мной уже не успевал. И что он тогда сделал? Резко двинул вперед велосипед и преградил дорогу передним колесом. Так падают вперед грудью бегуны на финише, чтобы выиграть хотя бы сотую долю секунды. Так на последнем дыхании делают рывок лыжники, резко выбрасывая лыжу к финишной черте. Подобным образом стараются опередить вас и китайцы, наверное, вкус победы у них в крови. Почему?

Почему вообще китайцы не любят уступать? Наверное, потому, что их много. Это в Швейцарии можно ждать-пождать. Там людей горстка, каждый на вес золота. В Китае слишком много соперников, чтобы всякому уступать. Это закладывается в сознании и в подсознании, где

угодно, вырабатывается инстинкт неуступчивости. Будешь уступать — останешься последним. Останешься голодным. Останешься без места в вагоне поезда. Останешься без места в вузе. Без работы. Пробыться в миллиардной массе тяжело.

Советы начинающим китаеведам: Как проходить через китайцев

Многие начинающие китаисты, приехав в Китай, теряются. Они не могут разминуться с идущими навстречу местными жителями. Привыкнув на своей родной стороне, что в таких случаях надо уходить как-то вбок, обычно вправо, начинающие китаисты то и дело чуть ли не лбами сталкиваются со встречными объектами изучения. Почему? Дело, очевидно, в том, что в Поднебесной глубоко в памяти сидит учение о Золотой середине. Это когда вы не выбираете между тем или этим, а стремитесь остаться в промежутке. Так принято, например, в бизнесе, поскольку оставляет варианты продолжения. Как это относится к передвижению? Самым прямым образом. Возьмите и сомкните ладони, так, чтобы пальцы прошли между пальцами. Вот так и в Китае надо ходить. При встречном курсе не стоит юлить и подаваться вправо или влево. Смело ступайте между. Даже семейные пары разойдутся, пропуская вас!

Мужчины — главные?

Возможно, начало этому положил еще Желтый император. Возможно, Конфуций в пятом веке до нашей эры. Он оценивал личность в зависимости от того, какую пользу та приносит обществу, прежде всего в государственных делах. Женщина в них не участвовала. Конфуций ставил ее на последнее место. Отец, сын — главные. Потом — мать, жена.

Конфуций утверждал примерно следующее: «По природе своей женщины и слуги во многом схожи. Если к ним хорошо относишься, они этим пользуются, а если не обращаешь на них внимания, ненавидят». Так ли он сказал, не так, в точности неизвестно, ведь сам великий мудрец ничего не писал, или же написанное не сохранилось, его наследие — это записи учеников и последователей.

Думаю, Конфуция удивил бы сегодняшний Китай. А в Шанхае деловые и прекрасные женщины его просто бы посрамили. Может, даже побили. Уж они точно не слуги. Почитайте хотя бы самую известную писательницу Китая Ван Ань-и / Wang Anyi, ее рассуждения о шанхайках.

Кто рулит в семье?

Ну, а вы как думаете? К примеру, торгуют на рынке муж и жена. Кто рассчитывается с покупателем и — главное — получает деньги? Конечно, женщина. У кого деньги, тот и начальник.

Кто гуляет с ребенком воскресным днем или будним вечером, утирает сопли и водит в кусты пописать? Конечно, мужчина. И эта картина радует глаз. Отцы в Китае трогательно опекают детей, не чураются никакой работы и заботятся о них от рождения до поступления в институт — и далее. Мужья приучены готовить еду, стирать и вообще возиться по хозяйству.

Муж, конечно, может надувать щеки и считать себя главным. Но, как и в России, кто тянет воз семейных забот, тот и главный. Не по форме, а по существу.

— Женщины и работают лучше, ты как думаешь, Старина Сун? — Сеня посмотрел на Мудреца. Тот молча натягивал поверх своего короткого желтого халата Сенино кашемировое пальто. Отшельник собирался на чай к давней знакомой, смотрительнице музея Конфуция, и в этот холодный и ветреный ноябрьский вечер теплое пальто пришлось как нельзя кстати. Может, поэтому он не стал спорить с Сенею. — Нет, правда! Ты возьми мужиков. Работают вроде нормально. Но упертые-е, ужас... Ни за что не признают, что ошиблись или напортачили, боятся «лицо потерять». А женщины... Они и работают старательнее, и ошибки не боятся признать. Иногда. Да и вообще — симпатичные, смотреть приятно!

Женщины ведут в танце

Китайцы обожают танцевать. Я не говорю про дискотеки и вечерние клубы. Зайдите вечером в какой-нибудь парк в каком-нибудь городе. Даже не в парк. Загляните на площадку более-менее приличного размера у какого-нибудь общественного здания. Танцуют даже на улице, даже на пяточке под опорами шоссейной развязки, укрываясь от возможного дождя. В провинциальном городе это вполне возможно. Отсутствие освещения не смущает. Достаточно уличных фонарей или луны.

Танцуют под китайские мелодии, изредка — западные. Иногда звучат однообразные, вгоняющие в медитацию буддийские мотивы.

Что танцуют? Весьма популярен массовый танец с веером и платком — *ян-гэ* / *yangge*, под аккомпанемент барабанчиков, трещоток и тарелок. Исполнители обычно женщины предпенсионного возраста,

есть и помоложе, но редко, зато постарше — весьма часто. Движения одинаковые, под копирку. Но гораздо чаще танцующие обходятся без вееров и барабанов, ритмично шагают, поворачиваются, машут ручками и ножками.

Пары кружатся в вальсе или танце, похожем на него. Мазурка тоже вполне подходит. В принципе годится любая музыка. Как-то я наблюдал в баре девушку, вальсирующую в одиночестве под «Революционный этюд» Шопена. Откуда только там взялся Шопен? Да еще «Революционный этюд»? Для Китая вся иностранная музыка достаточно экзотична. В одной телевизионной передаче показывали бальный танец на фоне русской блатной песенки (ныне — шансон-с!) «Купите бублики» времен нэпа (20-е годы прошлого века).

Но все это не более чем забавные детали. Главное же, что вам следует знать: в Китае в танце ведут не мужчины, а женщины. Вертят ими, как хотят. Привыкайте.

Вы скажете — матриархат какой-то!

В Китае есть и такое.

Где женщины не скрывают свое истинное положение

На стыке двух провинций южного Китая, Сычуани и Юньнани, в горах у озера Лугу живет народ *мосо* / *mosuo*. Малых национальностей в Китае много, в том числе и на юге. Народ мосо выделяется тем, что до сих пор живет по старым заветам, даже не патриархальным — матриархальным.

Всем заправляют женщины. Вокруг них строится вся жизнь. «Эка удивил, — скажут мне, — а то у нас в России не так? Ведь даже сама Россия — матушка, а не папушка!» Так, да не так. В отличие от российских мужиков, представители сильной половины человечества у мосо вообще никакого семейного статуса не имеют. В семье нет мужа как такового, вообще никаких мужчин, кроме сыновей. Женщины управляют всеми делами семьи, воспитывают детей. А дети не знают, кто их отец.

Откуда же берутся дети?

Когда девочке мосо исполняется 15 лет, ей отводят дом или отдельную комнату, куда она приглашает избранника. Обычно он залезает в окно по лестнице. Ну, традиция такая: чтобы никому глаза не мозолил. По этой же причине он должен прийти после заката солнца и уйти до восхода. Когда ухажер надоедает, ему дают от ворот поворот.

Счастливые и несчастливые цифры

Вот вы приехали в Китай и решили обзавестись местным телефонным номером. Номера продаются — какой выбрать? Потом пришла пора приобрести машину. А какие номера лучше, не знаете. Затем настало время прикупить квартирку. На каком этаже поселиться, вот вопрос. Гнездо появилось, теперь самая пора жениться. На какое число лучше назначать свадьбу?

Что же, попытаюсь ответить на эти вопросы.

Если в Китае вам вручили визитку с телефоном из сплошных восьмерок или номер машины вашего знакомого тоже «восьмерочный» — вы имеете дело с «солидным» человеком. Ему по карману или по чину иметь счастливый номер.

Новобрачные мечтают зарегистрироваться 08 08 — восьмого августа.

Восьмерка *ба / ba* — самая счастливая. Есть разные версии, обосновывающие эту счастливость. Большинство сводится к тому, что так звучит слово «богатство» на одном из диалектов, или же почти так — на общепринятом китайском произносится «разбогатеть», *фа-цай / fācái*. Фа... ба... какая в конце концов разница. Главное, чтобы богатство приносило, достаток, а это уже само по себе почти счастье. Набирая телефонный номер с восьмерками, ты накручиваешь-набавляешь счастье. Такие номера дорого стоят и покупаются за дополнительную плату. В магазинах сотовых телефонов, в газетных киосках счастливые числа номеров вывешиваются в качестве одной из приманок для покупателей.

Торговцы на рынках, называя в творческом порыве цену (вдохновение и сумма зависят от вашего внешнего вида и соответствующей «лопоухости»), тоже задействуют восьмерку: «Сколько стоит? Триста восемьдесят. Постой, ты куда — двести восемьдесят!..»

Не всегда счастливые цифры приносят счастье. Проклинаемая китайцами «культурная революция» началась 8 августа 1966 года, в тот день в главной партийной газете «Жэньминь жибао» опубликовали статью, призывающую к ее развертыванию.

Тем не менее вера в двойные и тройные счастливые цифры процветает. Не случайно датой открытия Олимпийских игр в Пекине стало 8 августа 2008 года.

Китайцы убеждены, что благо сулит и девятка *цзю / jiǔ*, которая произносится так же, как и слово «вечность». Она идет в ход, когда желают многих лет жизни или долгого супружества, например, на свадьбах.

Противоположность счастливым представляет собой четверка *сы / sì*, потому что произносится так же, как смерть, хотя и другим тоном (соответственно 4-м и 3-м). Остерегайтесь людей, у которых теле-

фон с этими четверками, это явные неудачники, не сумевшие заручиться благосклонностью фортуны.

В Пекине одна из больниц, получившая волей министерства четвертый номер, когда ослабили оковы бюрократизма, сразу же переименовалась и вернула название столетней давности — многие пациенты отказывались от услуг заведения с дурной цифрой.

Технический и социальный прогресс не в силах сломать предубеждение. На юго-востоке, в развитых и торгующих со всем миром городах, таких, как раскованный Гуанчжоу или продвинутый Шэньчжэнь (специальная экономическая зона с сотнями новейших промышленных производств), с недавних пор номера автомобилей не содержат цифру 4. Более того, в гостиницах провинции Гуандун часто отсутствуют 4-й, 14-й или 24-й этажи. Их заменяют на 3-А, или 13-В, или вовсе пропускают, и сразу за 23-м этажом идет 25-й. То же самое и в Пекине. В доме, где я арендую квартиру, например.

Но жизнь разнообразна. Некоторые любители в Китае ради острых ощущений специально выбирают себе номера с четверкой, будь то номер автомобиля или телефона: испытывают судьбу. Утверждают также, если идут подряд три или четыре четверки — это к счастью. Вот и пойми их, эти цифры...

Любит ли Будда офисных работников, или Счастливые слова

В китайском языке масса слов, которые звучат одинаково. На омонимах с давних времен строилось огромное количество шуток, пословиц и поговорок. Игра словами и сейчас в ходу, да еще каком.

К примеру, почему в Китае любят золотых рыбок? Понятное дело, красивые. Но главная причина в том, что золотая рыбка по-китайски звучит так же, как и «избыток золота», *цзинь-юй / jīnyu*. А значит, в офисе должен стоять аквариум с золотыми рыбками. На худой конец, с какими-нибудь другими, к примеру, зелененькими.

Попасть в офис, на чистую и непыльную работенку всегда непросто, желающих больше, чем надо. В цене госконтракты со стабильной зарплатой. Что же делать? Понятно — учиться и работать получше. Но ведь можно и по-другому попробовать, попроще, пойти по своему пути. На помощь приходит счастливое созвучие слов.

В дни, когда выпускники вузов готовятся найти работу, храм Лежащего будды на западе Пекина, у подножия Душистых гор, захлестывает поток молодых людей с родителями. Огромный будда лежит там на боку, медитирует, подперев голову рукой, весь такой уютно-домашний. Подобных

храмов, с буддами стоящими, сидящими, разных размеров, но одинаково радушно-обаятельными, в столице и окрестностях можно отыскать немало. Однако именно в храм Лежащего будды приходят будущие выпускники, молиться и возжигать благовония перед статуей. Почему?

Да потому, что название храма: *Во-фо-сы* / *Wofosi* напоминает по звучанию слово «office». Значит, посещение храма и молитва помогут найти достойную офисную работу. Никого почему-то не смущает, что слово — английское вообще-то, к будде никакого отношения не имеет, ни к лежащему, ни к стоящему. Ни к будде настоящего, ни к будде будущего. И вообще третье тысячелетие на дворе. Вера в чудо, пусть самая что ни на есть иррациональная (а она бывает — рациональная?) все равносильнее.

Все двоится, или Закон парности

«Мы с Тамарой ходим парой». В Китае часто вспоминается этот детский стишок. Здесь работает закон парности.

Проистекает это, скорее всего, из основ осмысления жизни, китайской философии. Пара противоположностей *инь* и *ян* дает жизнь и энергию всему сущему. Одно переходит в другое и не может без него существовать. Пара всегда сильнее.

Собственно, и в России говорят: «Две дровины в костре горят долго, а одиночная быстро гаснет».

Но вернемся в Китай. Все здесь парное. Начнем с иероглифов. Они не любят жить самостоятельно, предпочитают парность. Один знак дополняет значение другого. Идет этакое «блочное» строительство в уме, когда читаешь по-китайски. Все разбивается на фрагменты-смыслы из иероглифических пар.

Слово рождает все остальное. Знаменитое «двойное счастье», *шуан-си* / *shuangxi* — поздравление новобрачным. Не менее славная пара уточек-неразлучниц, парные благопожелательные надписи-стихи на новый год по сторонам двери.

Парные вазы с повторяющимся рисунком. Парные мэнь-дуни — каменные изваяния у ворот дома. Парные подарки: если чай, то как правило две коробки или же две одинаковые банки в коробке, спиртные напитки — обязательно две бутылки, причем в магазинах попроще обходятся без упаковки и, не мудрствуя лукаво, ловко связывают их попарно шпагатом.

Дуализм китайской жизни проявляется во всем. Двоичность — основной принцип главной книги Китая — «Книги перемен», «Ицзин» / «*Yijing*». Но о ней — особый разговор.

Люди в форме

В Китае любят форму. Не в переносном смысле, хотя и это тоже приветствуется, — в прямом.

На праздничных концертах на телевидении обязательно выступают мужчины и женщины в военных мундирах. Форма бывает синей, белой, красной, зеленой, пятнистой маскировочной, какой угодно. Часто она украшена всякими позолоченными аксельбантами, если не сказать эполетами.

Человек в форме — уважаемый человек. Он служит государству. Ну, а если службой является пение — так и нам в России к этому не привыкать. В Китае преуспевают певцы и певицы в звании до генерала включительно, многочисленные ансамбли видов и родов войск (вот уж чего я никогда не мог отличить, так это род от вида и наоборот, как ни бились на военной кафедре ИСАА при МГУ, хотя, думаю, сами военные в них тоже путаются). Иногда на сцене появляется гигантский военный хор — прямо хор Александрова. Тут мы с Китаем братья-близнецы. Обожаю смотреть на пляски крепких ребят и эластичных девушек в пятнистой форме десантников. Или спецназовцев. Или разведчиков?

Кроме военных, форму носят многие другие. Железнодорожники, к примеру. Или городские надзиратели — *чэн-гуань* / *chengguan*, которые занимают место между полицией и народом. Их основная обязанность — гонять мелких уличных торговцев, причем нередко они действуют с неоправданной жесткостью, даже жестокостью. Вот этих служивых в темно-синих мундирах (зимой) и салатового цвета рубашках (летом) не любят, несмотря на форму.

Любовь к форме ярко проявляется у ворот. Возле входа в клубы, рестораны и гостиницы, элитные и не очень жилые комплексы, в будках или возле шлагбаумов маячат охранники, допустим, в серых длиннополых шинелях, напоминающих офицерское обмундирование немецкой армии времен второй мировой войны, правда, не всегда в фуражках с высокой тульей, хотя бывает и такое, да и обувь подводит: нередко из-под брюк высовываются кроссовки. Лучшую форму, на мой сугубо гражданский взгляд, носит охрана клуба «Зеркальное озеро» в Пекине. Она щеголяет в алых мундирах королевских гвардейцев, несущих стражу у Букингемского дворца в Лондоне. Да-да, точь-в-точь. И еще — в высоких меховых шапках. Только, конечно, не из медвежьего меха. Но все равно, посмотришь на этих важных молодцев по дороге на работу — и на душе веселее. Как будто в Лондоне побывал.

Принцы и принцессы на горошине, они же — «маленькие императоры»

В Китае берегут детей. О них заботятся родители. О них заботится многочисленная родня. Никто в Китае не понимает американцев, которые, как известно, после достижения совершеннолетия часто говорят суровое «гуд бай» своим отпрыскам и отправляют в свободное плавание: вперед, ребята, зарабатывайте сами, хоть официантами, хоть продавцами, учитесь, живите отдельно.

В Китае же — не приведи господь, если ребенок вздумает сам зарабатывать! Курьером поехать, в закусочной едоков обслуживать? Ни-ни! Нет! Ребенок должен учиться и не тратить время на что-то другое. И ребенок учится. В школе, в институте. Подрабатывающий школьник или студент — большая редкость. Только в том случае, если ему не на кого опереться. Родительская забота достигла пика во время политики ограничения рождаемости «Одна семья — один ребенок».

Вся любовь родителей, бабушек и дедушек, родственников с обеих сторон морским валом захлестывает единственный обожаемый объект. Это повлекло за собой проблемы, из которых далеко не последними стали эгоизм, неумение заботиться о других, общаться, излишний вес, набираемый ребятами в макдональдсах и прочих точках быстрого питания, а также при поглощении мороженных-пирожных из рук заботливых родичей. Считается, что браки детей, родившихся в 80-е и 90-е годы, часто рушатся по той причине, что отпрыски не привыкли думать о других. Таких детей называют «маленькими императорами».

— Как-то нашей пекинской компании понадобились люди на разовую, почасовую работу, — говорит Сеня. — Я предложил студентов попробовать. Мне сразу сказали — не выйдет. Я не поверил. Дали объявления, специально на студенческих сайтах, а толку в самом деле не вышло — никто из студентов не откликнулся. Не привыкли они подрабатывать.

Родительские дни, или Сватовство в парках

Как-то, гуляя воскресным днем по парку, я увидел необычную картину: группы пожилых людей, мужчины и женщины, толпились под деревьями, на которых, как простыни на веревках, были развешаны листы бумаги с какими-то надписями и фотографиями. Такие же листы лежали на скамьях, раскладных столах или просто на земле, придавленные камешками. К ним подходили, читали и отходили, или останавливались и заговаривали с тем, кто стоял возле. «Что за чудеса, —

подумал я, — что это за информация, которая проходит мимо моей газеты и сайта бесплатных объявлений?»

Подошел, почитал, поговорил. Оказывается, здесь собрались родители, которые ищут пару для своего ребенка. Такая традиция возникла в Пекине в середине нулевых и продолжается с тех пор с меньшим или большим размахом. Папы и мамы собираются в парке Сунь Ят-сена — Чжун-шань гун-юань / *Zhongshan gongyuan*, что под боком Запретного города, каждый четверг и воскресенье во второй половине дня, в парках Юй-юань-тань / *Yuyuantan*, Тянь-тань / *Tiantan* и районных парках — Чаоян / *Chaoyang* и Хайдянь / *Haidian* по воскресным дням. Время от времени встречи проводятся и в других местах.

В отдельные субботы и воскресенья, обычно в теплые весенние или летние дни, при хорошей погоде на такие «собрания сватовства» — сянцинь-хуэй / *xiangqinhui*, приходят по несколько сотен людей.

Что ими движет? Та же забота о детях, которые повзрослели, но никак не могут самостоятельно найти себе партнера. Загружены работой, слишком стеснительны... Значит, чадам надо помочь, а как же! В деревнях, собственно, до сих пор кое-где родители выбирают детям супруга или супругу, сговариваются, обмениваются подарками, и молодожены видят друг друга только тогда, когда уже все решено за них.

В городах сложнее. Но помочь ребенку надо, значит, действуем! И глава семьи перед походом в парк пишет на листе бумаги данные о своем чаде — возраст, образование, профессию. Часто указывают рост, прилагают фотографию. Родители девушки записывают также требования к будущему жениху: рост не менее... доход не менее... желательно наличие машины и квартиры.

Родители, найдя среди объявлений подходящий «объект», сначала встречаются и договариваются между собой, если стороны довольны, телефон передается сыну или дочери, чтобы условились о встрече.

Какова эффективность таких собраний, сколько браков заключено после паркового сватовства — неизвестно. Несомненно одно — пожилые люди таким образом проявляют свою бесконечную заботу о детях, свойственную китайцам, а еще — заполняют досуг. Ведь пожилым людям так нужно общение! В парке, на свежем воздухе, с людьми, которые разделяют твои интересы.

Укрепление единства

В Китае строго относятся ко всему, что власти считают сферой своей безопасности. Например, к вопросу территориальной целостности. Маленький пример: после открытия скоростной железной дороги

до Лхасы, столицы Тибета, туда хлынул поток туристов. Конечно же, китайские турагентства стали на этом направлении зарабатывать. Я получил буклетик, рекламирующий пешие походы по Тибету. К нему прилагалась анкета-заявление на английском, которую надо было подписать, с таким зачином: «Я добровольно записываюсь на первый слет участников пеших походов по Тибету. Я готов строго следовать Конституции Китая, уважать единство Китая и единство разных этнических групп Китая».

Как пелось в старинной русской туристической песне: «А что у вас, ребята, в рюкзаках?»

К чему призывают кумачовые лозунги, или Китай — страна надписей

На улицах городов, а заодно сел, поселков, деревень и деревушек бросаются в глаза красные лозунги, полосы кумача с иероглифами. Они закрепляются на стенах домов и фабрик, школ и стадионов, на заборах и оградах строящихся зданий. О чем они? Зачем? Советским людям это объяснять не надо. Но на постсоветском пространстве выросло уже довольно много вполне несоветских людей. Они-то и могут забросать меня письмами с этим вопросом. (Хотя с какой стати, если не были в Китае, а если и были, то не обратили внимания?)

Тем не менее отвечаю: лозунги-транспаранты (или же — растяжки), как и все в Поднебесной, уходят корнями в давнюю историю. Точнее даже — в седые камни. Китайские исследователи считают, что традицию наружной агитации (outdoor advertising по-нашему) ввел в моду первый китайский император Цинь Ши-хуан, который повелел расставить повсюду большие камни с надписями, восхваляющими его правление. (Он понимал силу предметно зафиксированных слов, которую сформулировал две тысячи лет спустя философ Мишель Фуко, полагавший, что любой текст — это претензия, заявка на власть.)

Примеру первого императора следовали другие владыки. Надписи высекались на отдельных глыбах, на плитах, стоящих на спине черепахи, на установленных в храмах каменных стелах. Они служили памятниками деяниям великих людей, а если невеликих, то хотя бы богатых, которые могли себе позволить, скажем, пожертвовать храму деньги, получая взамен право на долговременную память.

Не забывайте: Китай — страна надписей, как это подметил еще академик В. М. Алексеев. Даже в честь добродетельных вдов, хранивших верность умершему супругу, воздвигали памятные каменные арки с хвалебными иероглифами.

С приходом народной власти, то есть после 1949 года, основой стали служить красные полотнища, а содержание сводилось к прославлению победившего пролетариата и партии, к призывам разного рода, например, к единству. Очень популярным стал лозунг: «Служить народу!» — «Wei renmin fuwu!» Его авторство принадлежит Мао Цзэ-дуну. Призыв живет и сейчас. Так, он украшает ворота в правительственную резиденцию Чжун-нань-хай в центре Пекина.

В «культурную революцию» 1966–1976 годов народные массы крушили все, связанное с культурой и историей, под лозунгом: «Бунт — дело правое!» — «Zaofan youli!»

Словом, надписи на красном отражают текущий политический момент. В 80-е годы в рамках пропаганды курса на уменьшение рождаемости появились призывы (по-нашему — слоганы) на любой вкус (вкус начальника, конечно), иногда лапидарные, вроде: «Одна семья — один ребенок», иногда более изощренные, с уклоном в охрану окружающей среды: «Хотите благополучия — меньше рожайте детей, больше сажайте деревьев!»

Как всегда, инициатива на местах опережает самые смелые ожидания. Ответственные за наглядную агитацию чиновники проявляют творческую и политическую дерзость, порой весьма своеобразную. Например, в одном провинциальном городке как-то вывесили транспарант с надписью: «Кто помешает развитию нашего уезда, будет платить за это всю свою жизнь!»

Но это радикальные варианты. Обычно говорится о более-менее понятных вещах. Например: «Соблюдайте чистоту и порядок, вносите вклад в охрану окружающей среды!» или «Проявим сознательность в деле строительства социалистической культуры!» Транспарант, вывешенный на деревьях возле крупного магазина, где торговали DVD-дисками, обещал: «Нанесем удар по пиратской продукции развратного содержания, защитим здоровье подрастающего поколения!» Коротко и ясно. Начальство довольно. Подрастающее поколение защищено.

Часто кумачовые лозунги дают представление о заботах того или иного населенного пункта или района. К примеру, осенью 2010 года на металлической ограде трансформаторной будки на улице южнее Рабочего стадиона в Пекине, а это, считай, центральная часть столицы, внутри 3-го кольца, я увидел свежую красную полосу с белыми иероглифами: «Yuanli huang, du, du, gongchuang hexie shequ» — «Отстранимся подальше от желтого, азартных игр, наркотиков, общими усилиями создадим гармоничный микрорайон». Ну, «желтое», это ясно: порнография, сексуальные услуги, разврат. Кстати, замечу, что в последнее время на китайском верху, там, где пишут правила, вызрело мнение,

что не стоит вообще-то называть «желтым», то есть нездоровым, тлетворным, подлежащим вычищению, какое-то явление, например, ту же порнографию, ведь этот цвет издавна считался самым благородным, императорским, идущим от плодородных желтых земель бассейна Желтой реки — колыбели китайской цивилизации...

Иногда лозунги трудно понять и объяснить непосвященному. Например, «Поддержим и обеспечим три представительства». Но ведь порою, и весьма часто, не содержание в них главное. Суть в том, что власть подает сигнал этими кумачовыми полотнищами: «Я здесь! Я существую!» Никто же не требовал в Советском Союзе, при советской же власти, вкратце объяснить популярный лозунг: «Пятилетке качества — рабочую гарантию!» Мантры на то и мантры, что смысл их высок и туманен, в них видится будущее — светлое, зовущее.

Как к вам будут относиться, или Как китайцы оценивают Россию

Да нормально к вам будут относиться. Как и к другим иностранцам, может, чуть теплее. Мы им понятнее других, да и победнее — что тоже вызывает сочувствие. Китайцы освободились от комплекса «малого брата» при «большом» (Советском Союзе), рожденного в годы «великой дружбы». Мало кто теперь скажет при встрече: «А, лао да-гэ!» — «А, большой старший брат!» А скажет, так с юмором, хорошо, если с добрым...

Конечно, китайцы старшего поколения помнят времена дружбы и товарищества. На улице где-нибудь, в магазине, на рынке нет-нет, да и поприветствуют на русском: «Здравствуй, товарищ!» Есть, конечно, энтузиасты. Они собираются, к примеру, в хоры и поют русские песни. Действует инерция, но, понятное дело, она иссякает.

Чем привлекает чужая цивилизация? Прежде всего материальной культурой. Джинсы завоевали весь мир. Стив Джобс стал кумиром в Китае, после его смерти книжки про гуру новых технологий лежали на всех книжных развалах рядом с жизнеописаниями еще одного ай-ти идола — основателя сайта интернет-торговли Alibaba Ма Юня (он же Джек Ма).

Интерес китайской молодежи к русскому языку, литературе, культуре и прочим наукам и техникам невелик. Место в сознании молодого китайца Россия почти не занимает. Книги на русском, как правило, написанные китайцами, появились в магазинах лишь в последние годы.

Нет прорывных технологий, созданных в России, нет товаров, нет и героев. Единственный, оставшийся от советских времен, — Павел

Корчагин. Многосерийная кинолента «Как закалялась сталь», снятая китайцами на Украине, была весьма популярной. Особенно песня «Там вдали, за рекой», проникновенно исполненная украинским хором в заставке с титрами. Правда, от оригинала — книги — фильм сильно отличается, к тому же почему-то отдает антисемитским душком, что весьма странно, поскольку антисемитизма как бытового явления в Китае нет. Скорее наоборот.

У старшего поколения популярен русский Василий — питерский рабочий, помощник Ленина, который охранял вождя в подполье. Это персонаж фильма то ли «Ленин в Октябре», то ли еще из какого-то старого советского, на революционную тему. Мне знакомая из Харбина, ей лет около 50-ти, говорила, что Василий, статный русский парень, был ее идеалом в молодости.

То время отражено в снятом режиссером Цзян Вэнем / Jiang Wen прекрасном фильме «Солнечные дни» (1995), про горячую пролетарскую юность и любовь. Время — начало 60-х, место — Пекин, рабочая окраина, группа друзей-школьников, драки, прыжки с крыши, красивая девушка, соперничество двух парнишек из-за нее, посещение только что открывшегося ресторана «Москва». В этом кино один паренек, изображая Василия, насмерть раненного, говорил другу, положив голову ему на колени и закрывая глаза: «Береги Ленина!» В Харбине местный предприниматель построил «Улицу Василия», на которой продают товары «под Россию», а в картинных галереях можно купить работы российских художников. Словом, кинематографический герой по-прежнему шагает по китайской жизни. Очень локально.

Что касается интереса к русскому языку, да, его учат в вузах. Слава энтузиастам, к примеру, педагогу Ли Ин-нань, которая руководит Центром русского языка в Пекинском университете иностранных языков. Ее жизнь и судьба семьи воплотили все хорошее и все плохое, что было между Россией и Китаем. Она — дочь одного из основателей китайской компартии Ли Ли-саня. В 1936 году в Москве, работая в международной коммунистической организации — Коминтерне, тот женился на Елизавете Кишкиной, русской женщине из дворянского рода, что тогда, конечно, скрывалось. В 1938 году был арестован и посажен в тюрьму, провел там почти 2 года, затем работал в Издательстве литературы на иностранных языках. В 1946 году, когда Сталин понял, что китайские коммунисты одерживают верх над гоминьдановцами, Ли Ли-саня отпустили на родину. Счастливую жизнь на высоких постах, в кругу любимой семьи с женой Елизаветой и двумя дочками прервала «культурная революция». В 1967 году Ли Ли-сань погиб в тюрьме, куда бросили также членов его семьи. Многие, кто был связан с Россией, тогда

подверглись репрессиям, лишились гражданских прав, провели годы в заключении. Жена, Ли Ша — такое имя ей дал муж, сидела в одиночной камере. Горькая доля выпала и дочерям. Но китайско-русская семья, пройдя тяжелейшие испытания, все-таки выжила, утвердилось. Ли Иннань великолепно воплощает две культуры, русскую и китайскую. Её русской речью, красивой, образной, выразительной, можно наслаждаться, ученикам-студентам очень повезло.

Но это — капля в море. Десяток-другой тысяч юношей и девушек, изучающих русский в вузах страны, конечно, мало для большого Китая. Жизнь сама регулирует все, причина проста: Россия тянет к себе меньше, чем западный мир. Зачем молодым китайцам русский язык? Применение сил и знаний ограничено: приграничная торговля, туризм, правительственные учреждения... Не слишком манит образованных китайцев холодная и неприветливая Россия. Как трамплин для дальнейшей переброски на Запад — да. Для долгого житья — нет. Лучше учиться, подзаработать и потом осесть в Америке, Канаде, Европе или в Австралии. И денег больше, и жизнь безопаснее и устроеннее. Россия привлекательна в основном для жителей северо-востока, они к холодам привычны, еда похожа, да и ближе к дому, в случае чего можно быстро вернуться.

Китайцы к нам относятся так, как мы этого заслуживаем. За добрые дела уважают. За худые — вслух не попрекнут, но мысленно все по полочкам расставят. Да, конечно, в космос летали. Да, «Большой театр». Да, культура, Толстой... Дружили. Да, были когда-то у нас в Китае машины «Волга», еще «Лада». А теперь... да, ваш этот, как его, ну, русский миллиардер, купил английский футбольный клуб...

Хотя... Вот что уж точно в почете — наша музыка и музыканты. Не попса, конечно. Во многих местах вы можете встретить русских педагогов, дающих уроки на разном уровне, от начального до консерваторского. Симфонический оркестр Мариинки под управлением В. Гергиева каждый год с успехом выступает в Государственном Большом театре, других лучших залах Китая. Концерты пианистов, скрипачей, солистов балета ведущих российских театров собирают обширную аудиторию. Китайские студенты мечтают продолжить образование в Московской и Санкт-Петербургской консерваториях.

Как нам оценивать Китай

Оценивать Китай можно и нужно по-разному.

Все зависит от того, какой у вас комплекс — превосходства или неполноценности.

У многих есть суперский комплекс превосходства: какой-такой Китай? Что они могут, эти китайцы? Дешевым ширпотребом торговать да овощи выращивать? «Китаец продал душу дьяволу, но она сломалась?»

Таким людям надо приехать в Китай, добраться до Шанхая — желательно на скоростном экспрессе — и подняться на башню «Жемчужина Востока». Потом с высоты 300 с чем-то метров осмотреть окрестности.

Уверяю вас, комплекс превосходства будет успешно заземлен, с верхотуры брякнется оземь со страшной силищей. Для тех, кому далеко до Шанхая, но ближе российско-китайская граница, стоит подобраться к ней, пересечь и сравнить два соседних города, наш и китайский. Эффект будет тот же самый: комплекс превосходства успешно сдуется, ну, допустим, просто до комплекса полноценности.

Как оценивать Китай тем, кого гложет комплекс неполноценности? Кто считает Китай богатой страной, где всё есть и которая всех скоро задавит? Кто смотрит на Поднебесную, страдая болезнью «красных глаз», — так здесь называют зависть. (Еще говорят: «Чем глаза краснее, тем сердце чернее!»)

Этим людям тоже надо приехать и, минуя Пекин, Шанхай или Гуанчжоу, отправиться в деревню. Обычную, не показательную. Искать долго не придется, их много, поверьте, особенно на западе или на северо-западе, или в центре страны, да и вообще, Китай страна сельская, преимущественно с бедным населением. Процветающие города в ней — ма-а-люсенькие островки. Вы осознаете, что Китай еще совсем небогатая страна, успокоите сердце, обретете комплекс желанной полноценности. И глаза сразу вернут свой природный цвет.

В чем трудность жизни в Китае

Главная — очень много народа. Он повсюду: на улице, в офисе, в парке, в метро. Практически невозможно оставаться в благословенном одиночестве сколь-нибудь продолжительное время. Люди разговаривают, шумят, передвигаются, ты находишься в центре огромного кипящего котла. И давление в нем ощущаешь постоянно.

Один знакомый сказал: «Приезжая в Пекин, попадаю под пресс. Столько людей! Сначала интересно, экзотика, но это быстро проходит. Потом начинает давить. Пытаешься изолироваться. Москва тоже большой город. Но ее среда по сравнению с Пекином — разреженная, есть чем дышать в прямом и в переносном смысле. А в Пекине кажется, что плотность среды выше в несколько раз. Огромное количество людей, которым нет дела до других, шум днем и ночью. Пыльный,

загазованный воздух. Сигналящие машины. Толчея и суета. Не случайно все, у кого есть возможность, стараются сбежать из города на выходные».

Об этом же мне сказал как-то мой давний друг, пекинский интеллигент, издатель и переводчик, который несколько лет проработал в России. Вернувшись, он с грустью заметил: «Скучаю по Москве, там хорошо!» Я удивился: «В Китае тоже замечательно!» «Да, конечно. Но — слишком много людей!»

Что хорошего в Китае. Первое ощущение

Спросил об этом у нескольких знакомых, которые приезжали сюда отдохнуть или по делам.

Ответ такой: чувство безопасности. Ты можешь спокойно гулять вечером и ночью по улицам, не беспокоясь, что на тебя нападут или ограбят. Конечно, при соблюдении элементарной осторожности.

Привлекает доброжелательность китайцев, отсутствие агрессивности.

Спокойствие людей бросается в глаза, нет озлобленности, угрюмых или угрожающих взглядов, неприятия. Отношение нейтральное или доброжелательное. Иностранец чувствует себя желанным гостем.

Отмечу с сожалением: иногда это приводит к тому, что некоторые гости ведут себя непозволительно высокомерно, «по-хозяйски», демонстрируя невоспитанность и отсутствие культуры.

Надо ли бояться китайской экспансии?

Боятся те, кому бояться выгодно. Или, скорее, пугать других.

Удивляет, когда говорят об экспансии китайцев, об их планах захватить Дальний Восток, Сибирь. Заботятся об этом, обратите внимание, те, кому по большому барабану и Дальний Восток, и Сибирь, и живущие там люди.

За годы жизни и работы в Китае что-то не заметил я захватнических настроений. Никто из китайцев, подвыпив или даже глубоко и серьезно напившись, не требовал от меня, а в моем широком лице — от России: «Отдайте наши земли!» Никто не грозил: «А вот заберем назад нашу Сибирь!» Может, не с теми китайцами общался? Нет, вроде с разными, что называется, из всех слоев общества.

— Да ладно тебе! Оптимист! — Сеня сморщился. Он сидел с Мудрецом Суном в ночном клубе «Шоколад» в русском районе Ябаолу. Шел двенадцатый час. За столиками в просторном полутемном зале сидели

торговые люди и любопытствующие иностранцы. На сцене пыталась развлечь публику рэп-группа из Благовещенска. Ребята старались, но единственным откликом послужил крик: «Хватит! Дайте отдохнуть!» какого-то оглушенного бизнесмена. Мудрец Сун грустно смотрел на длинноногих русских девиц, танцующих у шеста. Приличия соблюдались — девицы были в меру одеты. На танцполе, если его можно так назвать, покачивались в мерцающих бликах прожекторов и в такт невнятного речитативу кучки скромных китайских девушек. С потолка, с картин в позолоченных багетах на них свысока взирали гранд-дамы и кавалеры. В интерьере преобладал стиль Людовика XVI, как его понимает дизайнер Филипп Старк, у которого, собственно, «Шоколад» и позаимствовал идею оформления. — Я сколько раз слышал от своих торговцев-китайцев (мы их грузы возим), когда выпьют, начинают: мол, скоро мы все переженимся на русских, детей нарожаем, весь Дальний Восток наш будет.

При желании в Китае можно, конечно, всё найти. В том числе и таких лихих — на язык — ребят, особенно в безличностном инете, которые высказываются без затей: «Сибирь наша, весь Дальний Восток наш!» В любой стране легко отыскать людей недалекого ума, агрессивных, старающихся хоть чем-то выделиться, не отвечая за последствия.

Я же говорю об обыкновенных китайцах. Они Россию завоевывать не собираются, есть выбор получше. Работать, зарабатывать, строить дом и семью, обучать детей, заботиться о старших, возиться с внуками.

Присмотритесь лучше к тем, кто пугает Китаем. Как правило, это люди, сделавшие обнаружение опасностей частью своей профессии. Им внешняя опасность необходима как воздух. Почему? А чтобы отвлечь от своих собственных действий. Правишь плохо, неумело — надо искать врага и сваливать все беды на него. Отвлечь народ от себя, любимого, от своих ошибок, от своих преступлений. А если нет опасности — надо создать ее видимость.

Пугают: «Китайцы все скупают и вывозят с Дальнего Востока — лес, кругляк, металл! Караул! Грабят!» Да помилуйте! А кто им продает-то? Не мы ли сами? Это как мужик-пропойца, что стащил всё на продажу со своего двора, а потом бранит покупателя, он, мол, виноват, в соблазн ввел, окаанный...

У китайцев своей земли полно. Взять хотя бы запад страны. Территория огромная. Китайцы сейчас стараются перенести туда предприятия, завлечь инвестиции, оживить бедные районы. Не самая уютная там земля, но есть, есть где китайцам разместиться. Так что не волнуйтесь. Кроме того, не забудьте: китайцы почитают буддизм, а он отрицает агрессию, учит последователей терпению и уважению к другим.

Похожи ли китайцы друг на друга

Нет. Китайцы друг на друга не похожи. Они ди-ико разные!

Похожи ли русские друг на друга — с китайской точки зрения

О, да. Ди-ико похожи! Спросите любого китайца.

Каких китайцев знают в России

Мы судим о китайцах в основном по торговцам, которые работают в России. Это предприимчивые, ловкие, настырные, пробивные люди. К сожалению, как правило — с достаточно низким образовательным уровнем. Вернее, с недостаточно высоким.

В Россию не едут интеллигентные, довольные жизнью китайцы. По торгашам, к сожалению, мы судим в массе своей о китайцах. А они разные. И мы в России о них знаем так мало.

Каких русских знают в Китае

Та же самая ситуация, что и с китайцами в России.

За одним исключением: в Китае все-таки больше знают о России. Вот вы знаете китайские песни, хотя бы какие-нибудь? А в Китае вам худо-бедно, но назовут «Подмосковные вечера» и «Катюшу». Новых мы пока Китаю не предложили, кроме песен Витаса, за что ему, кстати, отдельное, общечеловеческое спасибо.

Если вы еврей и к тому же левша

То вам крупно повезло. В Китае вам открыты все дороги. Анти-семитизма в Китае нет. Наоборот: евреев ценят и уважают, они считаются удачливыми и талантливymi предпринимателями. Не удивляйтесь, если, заподозрив в вас ум и некоторые деловые задатки, собеседник при первой или второй встрече спросит в лоб: «Не еврейской ли вы национальности?» Радуйтесь: в вас видят незаурядного человека, потенциально сильного партнера.

При чем здесь левши? А при том, что левши в Китае тоже считаются людьми необыкновенных, выдающихся способностей. Да так оно и есть, взять хотя бы мою жену Екатерину. От правды не уйти, как говорят китайцы: «Практика есть критерий истины»!

«Хр-р-р — тьфу», или Ничего личного

Как-то в Пекине провели исследование, выясняли, что же больше всего раздражает столичных жителей. Оказалось, не пробки, не грязный воздух, не шум. Больше всего, оказывается, горожан раздражают... плевки. Даже не плевки... Плевок, он ведь бывает и относительно бесшумным, таким блатным, с легким шиком, цыканьем сквозь зубы. В Пекине это не катит, здесь принято сначала шумно отхаркиваться, а потом уже плевать.

Меня результат этого исследования удивил. В Пекине кого-то раздражает харканье? Я поверил бы исследованию, проводись оно среди иностранцев. А так... Да если бы эти плевки раздражали широкие народные массы, давно бы отучили плевать всяких харкунов! Этого, однако, не происходит. Почему?

Сей факт, если занять примирительную мультикультурную позицию благого невмешательства, может иметь такое объяснение. Согласно традиционной китайской медицине, не следует задерживать в своем организме то, что должно выйти. Не надо противостоять природе. Все шлюзы — открываем! Без стеснения. Поэтому, идучи по пекинской улице, часто слышишь: «Хр-р-р — тьфу!» Необстрелянным новичкам кажется, что метят в них. Не волнуйтесь. Не надо комплексовать, не надо этой мании величия! Никто в вас не плюнет. Вот на землю, на асфальт, на газон, на кусты, на обочину дороги — да.

Причем, надо отдать должное известной деликатности плюющих: они заботятся о месте своего проживания и стараются справить харкательную нужду преимущественно в общественных местах. То есть в своем дворе — ну, если только забывшись. Или если темно. Ну, или деликатненько так, на газончик. На кустик. Ведь это место свое! А вот на улице, на площади, на вокзале, проезжая на велосипеде или в машине — это пожалуйста.

— У моего приятеля офис был на первом этаже, окно выходило в проход между домами, — со знанием дела подхватил Сеня. — Место ничейное. И он мне жаловался: откроешь окно, то и дело слышишь — хр-хр... А вообще-то везде отхаркиваются. Чего ты к китайцам прицепился? Что, в твоей Москве не харкают? Да ты постой минут пять у какого-нибудь метро и послушай, далеко ходить не надо!

Тем не менее некоторым привередливым иностранцам кажется, что плевки направлены против их неприкосновенной особы. В самом деле: идешь по улице, а велосипедист, обгоняя тебя, берет и плюет на тротуар. Вроде как презирает, считают эти чистоплюи.

Так вот, этим тонкокожим гигиенистам могу еще раз заметить: напрасно вы думаете, что плевок обращен лично к вам. Ведь этот велосипедист плевал не только перед вашим драгоценным носом. Отнюдь. Даю руку на отсечение: он плевал и задолго до вас, и за вашей спиной, и далее, проехав относительно вас большое расстояние, тоже плевал. Может, даже подъезжая уже к своему дому, очагу тепла и уюта, так сказать, напоследок избавился еще раз от излишней жидкости посредством ротового отверстия. Просто вы этого не видели. А наблюдали и слышали только плевок перед вами. И поспешно отнесли в свой адрес. Напрасно! Зря вы на этом заостряетесь. Так формируется одностороннее и предвзятое представление. А я утверждаю: «Ничего личного в плевке нет. Просто товарищу захотелось прочистить горло».

До боли громко и выразительно это звучит в замкнутом пространстве. Например, где-нибудь в душе при бассейне. В купальнях сам Желтый император, очевидно, заповедывал очищать горлышко. Иногда просто душераздирающе! Столь мощные страдальческие звуки колеблют влажную среду, что кажется: кто-то отдает распоследние концы, душу отплевывает.

Власти пытаются бороться с таким «нецивилизованным поведением». Происходит это обычно перед каким-то большим международным мероприятием, к примеру, перед Пекинской олимпиадой. Но как-то робко. Других проблем хватает. А вот в Шанхае народ построже: там ввели штраф в несколько десятков юаней, под соусом борьбы с атипичной пневмонией. Плюнул — плати.

— Вообще-то все народы такие, — решительно сказал Сеня. — И в Швейцарии не лучше. Мне один приятель рассказывал, он наполовину итальянец, наполовину француз, живет по всей Европе. Так вот он говорит, в Швейцарии швейцарец ни за что не намусорит на улице, бумажку не бросит мимо урны. А границу пересечет, с той же Италией, — и давай мусорить. — Сеня помолчал и подумал. — Но, наверное, не плюет все-таки?

Придумано китайцами: — брудершафт

Слово немецкое, но сам способ взаимного поглощения слабоалкогольных напитков через руку жениха/невесты, любимого/любимой, начальника/подчиненного, встречного/поперечного изобретен, конечно, в Китае. По-китайски это называется, как легко можно догадаться — *цзяо бэй-цзю / jiao bei jiu*, «перекрещивать чаши с зельем». Этот свадебный ритуал родился

во времена династии Чжоу (1122–247 до н. э.). Не верите? Загляните в вашу настольную «Книгу ритуалов», «Ли цзи». При династии Мин в моду вошли брачные чаши, состоящие из двух бокалов, соединенных между собой так, что вино могло перетекать из одного в другой. Возможно, таким образом кто-то физически более крепкий из супругов мог выручить свою пару и взять на себя чуть больше. Двойные сосуды изготавливались из нефрита или драгоценных металлов и украшались резьбой, чаще всего — фениксами и драконами, символизирующими брачный союз.

Три вредные привычки

Китайцы признают, что у них есть еще некоторые вредные привычки. Даже скажем не привычки, а недостатки. Это — привычка (все-таки — привычка!) плевать где ни попадя, привычка громко разговаривать и привычка мусорить опять же где ни попадя.

Китайцы, которые этого не делают и которые умеют замечать, как это делают другие, переживают. Например, их обижает объявление на китайском языке в некоторых зарубежных аэропортах, призывающее говорить тише. Можно понять наших интеллигентных друзей: Китай — страна древней культуры, здесь всегда ценились церемонии и этикет. Казалось бы, деликатнее людей не найти. Но дело в том, что по большей части культура и церемонии зафиксированы в предметах искусства, творениях архитектуры, в книгах, театре. В реальной жизни мало кто следует книжным правилам.

Ведь Китай — это прежде всего сельское население, живущее по природным законам, не по писаным.

— Мне нравится анекдот, наш, российский, — сказал Сеня. — Про парня, который из армии вернулся в деревню, а его все спрашивают, ну, как там в армии. Достали его, и он говорит, ладно, увидите. Утром еще солнце не встало, а он в рельс колотит. Вся деревня сбежалась: что стряслось? Парень всех осмотрел и говорит: «Так, значит! Мы с отцом идем сено косить, а всем остальным разойтись!»

— К чему ты это? — спросил Мудрец Сун. Он сидел в шезлонге и смотрел на реку Хуанхэ. Они с Сеней давно мечтали вот так вот посидеть на берегу Хуанхэ. И вот сидели и смотрели с высокого берега, как течет желтая вода великой Желтой реки. Пили из термоса пуэр.

— А к тому, — сказал Сеня. — Откуда привычки идут? Оттуда. И у нас таких привычек полно. Делай как тебе лучше, а о других не думай. Помнишь, я жил возле рынка Ябаолу? Так там стройка была.

И по утрам, ну, прямо каждое утро, скажу честно, какой-то... человек, так его назовем, ну, рабочий, начинал стучать. Стучал громко. Вроде как молотком по жести. С полшестого утра до семи. А потом затихал. Спать наверное шел. А что другим спать мешает — ему плевать. Он же работает. И гордится, наверное, этот... человек. Вот вы все спите, а я уже стучу...

— Уважаемый Сеня, — сказал Мудрец Сун. — Каждый живет, как привык. Вот если я приеду в Россию, мне что-то там тоже покажется странным и неправильным, верно? Кроме того, надо смотреть на соотношение правильного и неправильного. Или того, что кажется правильным или неправильным. Вот например, ты долго живешь в Китае. Значит, соотношение правильного, то есть хорошего, и неправильного, то есть нехорошего, тебя в Китае устраивает, верно? Иначе бы ты давно вернулся домой. Так стоит ли слишком много внимания уделять не главному, правильному, а каким-то мелочам?

— Так я это к тому... — ответил Сеня обиженно, — я же как лучше хочу, недостатки исправить.

— Это понятно, — улыбнулся Мудрец Сун. — И как, получается?

Почему в Китае не пользуются носовыми платками

По одной простой причине: китайцы считают, что это очень негигиенично — сморкаться и после этого носить платок со всем содержимым. Все пользуются бумажными салфетками. Хотите заработать здесь много денег — производите и продавайте бумажные салфетки! Вот только места эти все уже заняты.

Если приспичит

В пути часто приходится искать место для облегчения, появился даже термин — «диарея путешественников».

«Как с этим делом обстоит в Китае? — спрашивают меня загодя читатели. — А то как-то боязно ехать!»

Спешу успокоить: в Китае к потребностям тела относятся с великим пониманием. Здесь не боятся слова «понос», и вполне в правилах легкого светского тона и даже корпоративных приличий позвонить, например, начальнику и сказать: понос у меня — *ла-ду-цзы* / *la duzi*, так что извиняйте, на работу не смогу прийти. И никакого стеснения, даже если речь идет о межполовом общении, то есть женщина это может легко сказать мужчине, а мужчина еще легче это скажет жен-

щине. При этом возникает определенная доверительность, с некоторой даже долей кокетства.

Но вернемся к основной теме. Думается, что заботу властей о человеке, то есть о детях, женщинах, инвалидах, и даже, как ни крути, о мужчинах, отражают самые обычные туалеты. Они, можно сказать, настоящий оплот цивилизованности. Все счастливы, если с этим все в порядке. Особенно окружающая среда, она облегченно и свежо вздыхает, когда с нее снимают такую «общественную нагрузку».

В этом плане китайская столица обустроена весьма пристойно. В отличие от некоторых великих стран-соседей и их столиц, за строительством помпезных зданий общественного назначения здесь не забывают о самом необходимом.

Свидетельствую как заинтересованное лицо: где бы вы ни оказались в Пекине, всегда найдете искомое место. Качество, конечно, отличается, но услуга имеется везде. Многие иностранцы, впрочем, воротят нос при виде китайских туалетов. Наверное, они еще не были в России. Нет, конечно, в глубинке, на селе в Китае отхожие места натуральны донельзя, это соломо-глиняный «скворечник» над ямой, и все. В деревнях побольше хибары поразмашистей, обычный размер — 12 квадратных метров. Один китайский художник-модернист (ох, уж это *contemporary art!*) прославился тем, что, обмазавшись медом, воссел голышом в такой вот уборной, а потом его потно-медовое-мухами-засиженное фотоизображение в сортирной полутьме получило мировое признание авангардистских собратьев.

А Пекин... Как-то в начале 90-х годов, когда в России шары катались по магазинным полкам, не встречая ни малейшего материального сопротивления, а заведения общественного питания, быта и культуры накрылись сверкающим изделием мастеров-медников, коллега издатель, англоман-детективщик, объездивший мир отечественный плейбой, зайдя в туалет новенького отеля в центре Пекина, где звучала неземная музыка, журчали разноцветные фонтаны и пели райские птицы в клетках, потрясенный, воскликнул: «Я хочу попросить здесь политическое убежище!»

Этот же достойный во всех отношениях человек, посетив туалет на берегу живописного озера Сиху в городе Ханчжоу, обнаружил, что писсуарами там служат высокие изящные кувшины, достойные музея. Он спросил, мол, что за нужда в подобной роскоши? Служитель туалетного культа в униформе ответствовал, что содержимое кувшинов представляет большую ценность, поскольку идет в переработку, в частности, для изготовления лекарственных препаратов. И наш благородный джентльмен, закончив дело, заявил,

что гордится тем, что внес свою струю в поток общего благоденствия и процветания.

Вернемся между тем в столицу. По части облегчения Пекин даст сто очков вперед, к примеру, Москве. Очков в прямом и переносном смысле. Общественные сортиры в китайской столице именно ими и располагают в большинстве своем. Москву я к слову привел, потому как она, конечно, далеко не образец туалетной культуры, но время от времени порывисто претендует на звание мировой столицы. То ли культурной, то ли экономической, то ли финансовой (смотря с какой ноги встал самый большой начальник). Пекин особо не претендует, но тем не менее «в радиусе» двухсот метров от места вашего нахождения (как любят изъясняться те же московские власти, «в шаговой доступности», ах, эстеты!), или же в пределах трех минут терпения вы найдете заветное место с фигурками мужчины и женщины.

Конечно, никто не попросит убежища в общественных туалетах на пекинской улице, в районе старых одноэтажных домишек, где нет отдельных сортиров (равно как и душевых) и народ бегаёт в уличные.

Но — ура сортирному прогрессу! — туалеты, подобно гостиницам, стали звездными, хорошие имеют четыре звезды, шикарные — пять. К примеру, в Гугуне, императорской резиденции, а ныне музея, туалеты пока четырехзвездные, но быстро поднимаются к пяти. Не только в центре столицы, но и в провинции туалеты тоже стараются делать аккуратными, воспитывающими своих посетителей подобающими призывами. Например, в одном придорожном туалете над писсуаром я видел такую надпись: «Маленький шаг вперед — большой шаг к цивилизованности!» Лозунг, отсылающий нас к первому шагу американского астронавта Нила Армстронга по поверхности Луны. Грандиозность задачи сопоставима. Вдохновляет! Сравните с отрезвляющей надписью над писсуарами, виденной в Европе: «Не льсти себе, подойди поближе».

«Что же теперь, — спросит с тоской читатель, — приехав в Китай, я так и не посету настоящий китайский сортир?» Понимаю вашу грусть. Прошлое вызывает ностальгические чувства. Столица помнит переносные «удобства», которые устанавливались в центре Пекина, прямо у красных стен императорского города, в 80-е годы во время массовых мероприятий: разделенная перегородками длинная матерчатая ширма в половину человеческого роста прямо на улице, заходи, присаживайся, делай свои дела, не обращая внимания на окружающих. При этом граница между особями мужского и женского пола была весьма условна, а проще говоря, отсутствовала.

Никто на это и не обращал особого внимания. Каждый был занят собой, сосредоточен и весьма горд. Потому что личное совмещал с общественно полезным. Удобрения же!

Привычка швырять: ничего оскорбительного

Впервые я этим озадачился во время первой командировки в Китай. Клерк в банке, женщина, которая выдавала наличные, отсчитала нужную сумму, скрепкой сколола с квитанцией и не глядя бросила на стол в моем направлении. Я стоял за стойкой с окошком в стеклянной стене, ей, в принципе, можно было дотянуться до моей руки и отдать, не швыряя.

Я подумал, что чем-то ее обидел. Хотя чем я мог ее обидеть? Наверное, подумал я, что-то дома у нее случилось, вот она и злится. Но нет, смотрю, выражение лица самое обычное, не веселое и не грустное. Стало любопытно.

Отойдя в сторону, понаблюдал за ней и другими сотрудниками. Время от времени они передавали друг другу и клиентам документы и деньги. И все время швыряли их на стол!

Позже я видел эту же картину в магазинах, гостиницах, в самых разных местах и понял, что никакой злости или отвращения за этим не кроется. Окончательно меня убедила в этом бухгалтерша моей компании в Пекине — уж она-то над своим собственным директором не будет издеваться! Но и она, попервоначально, зайдя с документами на подпись, точно так же кидала их на стол передо мной «изящным движением руки». Потом, правда, заметила, что мне это не очень нравится, и стала класть, хотя по привычке все равно в завершающем движении слегка «пришвыривала».

Веря в лучшее, я пытался убедить себя, что кидать деньги и документы на стол — часть бытовой культуры. Возможно, Желтый император именно так вел свой документооборот. Возможно, так было принято в эпоху Сун. Или Мин. Деловой этикет, возможно, требовал из почтения к собеседнику или гостю не передавать что-то в руки (письменный свиток, связку монет, вексель, денежную пачку и тому подобное), но обязывал изящно кинуть это на стол, не глядя в глаза принимающей сей дар стороне, чтобы, к примеру, не обидеть прикосновением, особенно если речь шла о контакте мужчины и женщины. По китайской традиции даже легкое прикосновение к женской руке уже рассматривалось как сексуальное домогательство (по-нашему — харассмент).

Вот еще какое оправдание придумалось: китайцам свойственна некая размашистость движений, если не сказать разухабистость, легкая расслабленность или даже развинченность — включая походку, жесты. Физиологи считают, кстати, что подобная расслабленность экономит силы. Отсюда, наверное, и склонность к размашистому швырянию.

Однако, все мои про-китайские умствования разбились о суровую правду, когда я спросил об этой привычке у коллеги, принадлежащей к высокообразованной семье. По характеру она человек-правдоруб, что вообще-то несвойственно китайцам. Так вот она сказала, как отрезала: «Нехватка культуры».

Безоблачное небо по плану

В Китае многое, если не все, делается по плану. Плановая экономика, плановая рождаемость. Даже небо над Пекином имеет свой план. Это раньше небо имело сакральный смысл, даже Первейший из Первых, император, был всего-навсего Сыном неба.

Теперь по-другому. В Пекине действует план по ясности неба. Оно должно быть чистым не менее 230 дней в году. В столице не самый свежий в мире воздух, это не секрет. Достаточно пожить здесь несколько дней, а потом перелететь, допустим, в Харбин. Нет, лучше в Ванкувер. Там, кстати, много китайцев...

Стремясь к чистоте, власти убирают из города заводы, вводят более строгие нормы для автомобилей. Сносят старые дома, где тепло дает печка с угольными брикетами. Заворачивают в плотную ткань строящиеся здания. Стараются переместить угольные электростанции, основные виновники загрязнения. Санитарные органы устанавливают критерии чистоты воздуха. Простым горожанам они непонятны. Зато понятно: если видны горы на западе и севере Пекина — значит, сегодня воздух чистый. Следовательно, все идет по плану.

— Какой план, ты о чем? — спросил Сеня. — Нет ветра — и весь Пекин в смоге. Такой туман, что на перекрестке на светофоре красное марево облаком стоит. Дышать нечем, народ в масках ходит. Какой тут план?!

Сплотимся? Прижмемся друг к другу?

Не удивляйтесь, если к вам прижмутся в Китае. Ну, например, в очереди за билетами в пекинский музей, или в очереди в аквапарк в приморском Даляне, или в очереди за железнодорожным билетом

на вокзале в Лояне. Здесь легко услышать, а вернее, почувствовать спиной, как бьется чье-то чужое горячее сердце.

В Китае нет того, что на Западе называют privacy — «личное пространство». Тесно везде. Какое там личное пространство, какое там privacy, упаси господь! Выжить бы, пробиться, отстоять свое, хотя бы и в очереди. Поэтому не считается зазорным близкое нахождение друг к другу. Часто это не имеет никакого сексуального оттенка, хотя совершенно определенно утверждать это не могу. Мне надо об этом еще поразмыслить. Что-то я читал такое про маньяков-прижимщиков в метро и автобусах...

Будем считать, что народ просто плотно стоит для экономии пространства. Сплачивается. Локоть к локтю, живот к спине. Хорошо еще если только живот. Ну вот, тьфу, опять меня заносит.

В общем, не удивляйтесь и не обижайтесь. Принимайте правила игры. Будьте проще. Прижимайтесь сами. Если хотите. И народ к вам потянется. И какой народ! И сколько!

И еще раз про улыбку

Я уже упоминал, что улыбка в Китае означает не только радость, но и растерянность. Вот что по этому поводу сказал Сеня, когда разговор зашел про улыбку и мы уперлись в вопрос, чем улыбка в Китае отличается от улыбки в России.

— Ну, в России если человек улыбается, значит, рад, — сказал Сеня. Он только что приехал с Сахалина, куда ездил с китайскими партнерами. Добирались через Хабаровск. В Хабаровске проходил месячник вежливости водителей, и Сеня с партнерами надолго застывали на тротуарах — ждали, пока проедет машина. А машины вежливо стояли и ждали, пока пройдут пешеходы. Таким образом, передвижение группы по городу происходило крайне медленно. — Я-то знал, конечно, что здесь человек может улыбаться и даже прихихикивать, если его стыдят или если виноват. Но вот что я видел недавно. Был я со своей дамой в парикмахерской у Саймона в Шунь-и, в городке для иностранцев. Он человек мира, что называется. То ли хорват, то ли итальянец, то ли англичанин, то ли еще кто, неважно. Говорит на многих языках, к нему надо записываться, потому что стрижет как не знаю кто. Мастер! А помощницы у него китайки. Долго с ним работают. Это я к чему? К Саймону, когда я сидел у него в салоне и ждал свою даму, пришел его друг. С отцом. Отец совсем никакой. И друг просто рыдал на плече у Саймона. Я так понял, отец у него тяжело заболел. Ну, очень тяжело. Ну, ладно, отрыдал и ушел с отцом. А Саймон отошел

в угол, клиентов-то бросать нельзя надолго, отвернулся и стоял так. А потом вышел, глаза красные, вытирает. Понятное дело, переживает за друга и его отца. Но я не про это. А про реакцию девчонок, что у Саймона на подхвате. Они, когда он в угол отошел, просто не знали, что делать. И стали улыбаться! Во весь рот. Если бы я не прожил в Китае несколько лет и не бывал в таких ситуациях, то разозлился бы — у человека беда, а они улыбаются. Но тут понял: они растерялись. И от растерянности первая реакция у них — улыбка. Защита такая.

Царь обезьян и Иванушка-дурачок

Национальный герой у каждого народа свой. Вот написал это и засомневался, а в самом ли деле Иванушка-дурачок наш национальный герой? И подумал тут же, а почему нет? Дурак-то он дурак, но только с виду. На самом деле и умен, и речист, и собою пригож. Можно даже сказать, если напрямь воображение, секс-символ прямо какой-то. Недаром царскую дочь заполучил.

Китайского фольклорного героя красавцем не назовешь. Не секс-символ, это точно. Зато находчив, умен, ловок, смел, проказлив. И с юмором. А зовут его *Сунь У-кун* / *Sun Wukong*, или — Царь обезьян. Внешность, конечно, не вполне человеческая, но ведь в мужчине не это главное — зато душа чиста, энергичен и за друга постоит. Откуда взялся Сунь У-кун? Из любимого в Китае романа «Путешествие на Запад» / «*Xi you ji*», который написал У Чэн-энь / *Wu Cheng'en* в XVI в.

В основу книги легла история о реальном путешествии монаха по имени *Сюань Цзан* / *Xuan Zang* в Индию за священными книгами в седьмом веке. В легендах его сопровождали ученики, в том числе Сунь У-кун и обаятельный боров (то есть свинья мужского пола) Чжу Ба-цзе. Поход длился 16 лет, маршрут лежал через безлюдные горы и пустыни, густые леса, где путников встречали и лихие люди, и дикие звери.

А еще — злобные ведьмы и демоны, в самых уродливых и устрашающих обликах. Чистого как яшма, доверчивого монаха то и дело пытаются соблазнить прекрасные девы, которые откуда ни возьмись возникают вдруг в лесной глуши или среди высоких гор. Красавицы эти, понятное дело, оборачиваются чудовищами, которые мечтают попить святой монашьей кровушки. Они знают, что тогда обретут заветное бессмертие.

И попили бы, как пить дать, если бы не наш смелый и хитрый Сунь У-кун. Недаром его имя — У-кун — можно перевести как Познавший

пустоту. То есть познавший суть существования. Изначальный животворный дух. Он вмиг распознает врагов, всегда готов вступить в бой с могущественными злодеями, так как владеет волшебным мастерством, за день может совершить 72 превращения, стать то мухой, то великаном...

Царь обезьян заботится о своих спутниках, подшучивает над Свином — Чжу Ба-цзе, пуще глаза оберегает монаха. Но если что не по нему — может устроить скандал даже на Небе, не боясь прогневать всемогущих богов. Переполох, учиненный им в Небесном дворце (по-нашему, на Олимпе), стал излюбленным сюжетом пекинской оперы. Впрочем, каким бы волшебником ни был Царь обезьян, все равно он никуда не денется с ладони Будды — ведь весь мир умещается в ней. В Китае говорят про человека, которому не спрятаться (от гнева начальства, например): «Он словно У-кун на ладони Будды».

Сунь У-кун не строит из себя святошу, но на деле — чистый и добрый. Он считал, что спасти человека важнее, чем построить семейную пагоду. Про его похождения сочинили не только роман, но и множество других историй, хотя и покороче. А сколько фильмов снято? Когда переключаешь каналы китайского телевидения, а их под две сотни, то и дело натыкаешься на Сунь У-куна.

Отражает ли он национальный характер? Наверное, да. Как-то в Москве в суматошные, невнятные, всклокоченные 90-е годы судьба свела меня с человеком по фамилии Яо, который с первой же встречи показался мне очень похожим на Царя обезьян. Я стал его советником в пейджинговой компании (о, писк техники по тем временам!), которая обслуживала китайцев в Москве. Ну, он еще немного торговал, конечно. Не сам — его гражданская супруга ввозила контейнеры с добром через Одессу. Жена, как и он, была членом совета директоров компании. Никогда не забуду бурных, до кидания стульями, заседаний этого совета, на которых обсуждались финансовые и технические вопросы, к примеру, установка передающих станций в Московской области, когда супруга Яо вступала в спор с партнерами с российской стороны, кандидатами и докторами наук, ведущими сотрудниками Радиоинститута (мы сидели как раз у них на улице Казакова), без тени сомнения оспаривая их схему распространения радиосигнала...

Яо был авторитетным, без криминального окраса этого слова, человеком в китайской общине, земляки часто приходили к нему за советом и помощью. Мало ел, много курил, спиртного не пил, чай был неизменным напитком. Очень любил общественную деятельность. Больше, чем бизнес. Входил в руководство московской ассоциации

хуа-цяо — китайцев, проживающих за рубежом. Участвовал в подготовке и проведении празднования 850-летия Москвы, когда по Тверской шли в числе других украшенные цветами самодвижущиеся платформы с китайскими артистами. Всегда был готов помочь тем, кого считал другом, не только советом, но и деньгами, участием. Даже внешне походил на Царя обезьян: невысокого росточка, шустрый, подвижный, с вечной улыбкой, смешливый, неунывающий. Очень уважительный. И хитрый! Но хитрость такая... какая-то детская: когда его на ней ловили, сам первый начинал смеяться, совершенно обезоруживающе. В общем, настоящий Сунь У-кун. Любимый сказочный герой китайцев. И мой тоже.

«А вы вроде бы потолстели!» — это комплимент. Иногда

При встрече в Китае иногда звучит: «А ты вроде бы потолстел (потолстела)!» Не стоит обижаться. Это комплимент. Обычно его отвечивают люди постарше. Они оценивающе смотрят на тебя и с радостью в голосе, даже с некоторым восторгом, констатируют факт.

Воспринимайте спокойно. Это вынесено из эпохи, когда люди недоедали. Так в советскую эпоху вожатые и начальники пионерских лагерей (хорошо звучит, да?) с гордостью говорили о том, что дети за время пребывания в лагере (тоже звучит!) прибавили в весе. Вот и здесь — полный, упитанный «ребенок» вызывает умиление. Неважно, что «ребенку» годков уже немало, все равно его (ее) круглые щеки, выпуклый животик свидетельствуют о хорошем здоровье, успешной карьере и достатке. (Кстати, обратите внимание, всеми уважаемый Будда — полнотел и полнолик!) Отмечу, если судить по полноте, почти все наши люди в Китае добились успеха и процветания. Не как у нас: «Пивной живот, пивной живот!..»

Вот она, разница двух культур.

Натуралисты

Китайцы большие натуралисты. Отношение к природе, к собственному и чужому организму, да и к чувствам тоже предельно практичное, без сантиментов. На весь Китай как-то нашумела история: в международный День матери в одном из городов на большом экране три раза прокрутили 8-минутный ролик — операцию кесарева сечения. Директор больницы, инициатор показа, утверждал, что это

поднимало роль матери, демонстрировало, как трудно дается рождение ребенка. В Сети одни его осуждали, другие одобряли. Но сам факт показателен. Китайцы гораздо спокойнее относятся к «кровавостям», чем многие другие нации. Это, мол, природа, так что слезы здесь ни к чему.

В зоопарке на северо-востоке Китая посетителям «сафари-парка» одно время предлагали такое шоу: экскурсанты покупали овцу или теленка, которых на глазах сидящих в автобусах туристов скармливали вживую тиграм. Если крупное копытное не по карману, можно было раскошелиться на кур, которыми хищники тоже не брезгуют. Куры взлетали в воздух, тигры прыгали за ними. Зрелище вызывало неподдельный интерес, в том числе женщин, детей и стариков.

Стоит ли винить в этом китайцев? Вот моя жена припомнила, что ее маму водили в зоопарк или в детский уголок в Херсоне в середине прошлого столетия смотреть, как кормят удава. Кролик проглатывался на глазах зрителей. Многим нравилось.

Возможно, Запад ушел дальше от «естественно-жестокости» отношения к жизни? Но куда тогда девать американцев и европейцев, с удовольствием глазеющих по разным «природолюбительским» каналам на то, как львы рвут буйвола или антилопу? Везде есть слой людей, которые наслаждаются первобытной кровожадностью, другое дело, что где-то этот слой потоньше, где-то потолще.

Кстати, моя дочь смотрела премьеру «Гарри Поттера», одной из его первых частей, в пекинском кинотеатре, зал был полон подростковой порослью, и дочку удивило, что зал дружно смеялся во время самых жестоких сцен. Я нередко слышу смех комментаторов во время футбольных трансляций, когда игрок получает тяжелую травму. Зная, что китайцам свойственно смеяться в моменты замешательства, я могу лишь доброжелательно предположить, что смех был признаком смущения...

Но если говорить о крови и о связанных с нею понятиях, то, пожалуй, само это слово не вызывает в Китае отрицательных ассоциаций. Напротив. Скорее кровь — образ живой энергии. Как-то после концерта классической музыки спросил знакомую китайянку, понравилось ли ей произведение, которое мы только что прослушали. Она ответила, да, замечательно, оно прямо-таки «сочилось кровью». Видя мое замешательство, пояснила: это значит, пронизано душевной страстью, которую вложил композитор. Ведь говорим же мы — плоть от плоти, кровь от крови. Здесь тот же смысл. Это произведение — часть души автора, его бурлящая кровь.

Кому платить в ресторане?

Сходить в Китае в ресторан совсем не то, что посетить его в Москве. В российской столице это целое приключение и событие, цены заставляют надолго запомнить каждый поход.

В Китае иначе. Во-первых, выбор огромный, во-вторых, даже в приличном заведении цены вполне разумные.

— Это верно, — сказал Сеня и вздохнул. — Хотя и здесь цены растут, особенно в последнее время, просто прыгают! Но в Москве... После Китая я там вообще в ресторан не хожу. Как-то был в Москве с китайскими партнерами, заглянули в китайско-японский ресторан. Взяли салатик. Вроде как китайский. И что там было? Три листика обычной капусты с петрушкой, все залито соевым соусом с базиликом почему-то, а цена, знаешь какая? 30 долларов! Убиться можно! — Но Сеня не убился, а съел еще одну зажаренную в масле рыбку, она проглатывалась на раз со всеми своими косточками, которые и не чувствовались. В ресторане морской и речной кухни на пекинской улице Счастья, *Синфуцзе / Xingfujie*, восточнее парка Тяньтань, где сидели сейчас наши друзья, так умели готовить *хуан-ю / huangyu*, «желтую рыбу», а по-нашему, горбыля, что только ради нее Сеня с Мудрецом Суном готовы были приезжать туда чуть ли не каждую неделю. — Нет, московские цены моя психика не выдерживает.

— А если другие приглашают? — спросил Мудрец Сун.

— Ну-у... Это другой разговор!

Речь, однако, не о ценах, а о тонком, деликатном моменте, в котором многое сходится: вопрос старшинства-меньшинства, уважения-неуважения, родственных-служебных связей и так далее.

Речь об оплате. В других странах, когда идешь с друзьями или коллегами в ресторан, обычно договариваешься заранее, кто будет платить. Или вскладчину, или кто-то один благородно принимает на себя это бремя. Во всяком случае, в душе надеешься на это.

Другое дело в Китае. Договариваться о том, кто будет платить, неприлично. Считается, что можно потерять лицо, если вот так вот мелочно заранее все обговаривать. Заранее — ни в коем случае. Даже за столом ни слова об этом. Но вот когда обед заканчивается и настает время платить — тут-то и разгораются страсти. В битву за право выложить деньги вступают все, кто в состоянии, счет вырывается из рук официанта (официантки), из рук приятелей, доходит чуть ли не до драки.

— Да ну, чего там, навывдумывал, — протянул Сеня. — Я всегда заранее договариваюсь. Если я собираюсь платить, так и говорю: «Будь моим гостем!», «Цин-кэ!» И никакой потери лица.

— Ты особый человек, — заметил Мудрец Сун.

— Это верно, — легко согласился Сеня. И выпил еще пиалку сладкого сливового вина. Он захватил с собой бутылочку. В ресторане это не приветствовалось, но и не запрещалось, тем более что наши друзья были старыми и преданными клиентами. (С остальных требовали по 50 юаней за бутылку, принесенную с собой.) Сливовое вино им привезли из Москвы хорошие знакомые. Они его попробовали в китайском ресторане на южной окраине столицы и после этого долго просили Сеню найти такое вино в Китае. Сеня честно искал — не нашел. Замечу, что российский рынок китайских товаров отличается от китайского рынка китайских товаров. В России такого иной раз напридумывают «китайского», что просто ахнешь. Словом, убедившись, что понравившееся вино продается только в России, Сенины друзья решили, что, мол, как это так, мы пьем, а Сеня нет!? Пусть попробует. Не поленились, отыскали где-то в Москве и прислали. Хорошие люди! И теперь Сеня и Старина Сун пили его под рыбку.

Советы начинающим китаеведам: Если вы хотите приветствовать китайца...

...то не надо бросаться к нему, а тем более к ней, с объятиями. Не следует хлопать по плечу, и тем более лобзаться а-ля Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, который, как известно, любил целоваться, предпочитая прямой чмок в губы... Н-да... По китайской традиции, дабы выразить глубокое уважение, достаточно прижатый к груди кулак левой руки накрыть ладошкой правой. Этого достаточно. Ведь вы иностранец, к вам отнесутся спокойно даже в том случае, если вы сделаете книксен или сальто-мортале: китайцы знают, до чего бывают чудными эти лаоваи. В обыденных ситуациях здоровайтесь так, как привыкли на родине.

О чем поют официантки

На днях получил письмо от читателя Михаила К. Он пишет: «Бывая в Китае и заходя в ресторан, я всякий раз удивляюсь, что такое поют нам навстречу девушки, которые стоят у дверей?.. На слух что-то вроде “ля-ля-ля”. Можете ли Вы это объяснить?»

Что ж, Михаил, могу, конечно. Девушки у дверей — это встречальщицы. В красивых таких платьях, обычно красного, праздничного цвета. Иногда с разрезом по бедру. Иногда, увы, без разреза. Иногда

в красных шелковых курточках. Зимой в пуховиках. Прелестницы обязаны приветствовать гостей. Порою (теплой летней) они занимают пост снаружи у дверей ресторана. Их задача — перехватить взгляд возможного посетителя, улыбнуться и заманить в свое заведение.

Но чаще всего они ждут за входной дверью. В лучших ресторанах выстраиваются даже в два ряда с обеих сторон. Когда гость входит, девушки кланяются и произносят вот именно ту фразу, которую мой читатель принял за пение. Действительно, они произносят ее нараспев, громко и торжественно, кажется, что поют.

А вот что поют? Это тоже интересно. И это тоже история Китая, его церемонии. Поют они следующее: «Хуань-ин гуан-линь!» / «*Huanying guanglin!*» — что означает: «Приветствуем сиятельное посещение!» Красиво звучит, верно? Так встречали в древнем Китае почетных гостей. Остаточки церемониала вы можете испытать на себе всякий раз, когда проголодаетесь. Да и так можно подойти, послушать.